

ПСИХОЛОГИЯ:
от теории к практике

Материалы VIII Всероссийского молодежного психологического форума Российской ассоциации студентов-психологов
Екатеринбург, 1–5 апреля 2014 г.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

ПСИХОЛОГИЯ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Материалы VIII Всероссийского молодежного
психологического форума
Российской ассоциации студентов-психологов
Екатеринбург, 1–5 апреля 2014 г.

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2014

УДК 159
ББК Ю9я43
П863

Всероссийский молодежный психологический форум
проводился при поддержке отдела молодежной науки УрФУ
и института практической психологии «Иматон» (Санкт-Петербург)

Под общей редакцией В. В. Савельева

Психология : от теории к практике : материалы VIII Все-
П863 рос. молодеж. психол. форума Рос. ассоциации студентов-психологов, Екатеринбург, 1–5 апр. 2014 г. / под общ. ред. В. В. Савельева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 66 с.

ISBN 978-5-7996-1242-9

В очередном сборнике материалов Всероссийского молодежного психологического форума представлены результаты исследований, проведенных студентами и аспирантами психологических факультетов вузов Российской федерации, представленные ими на конференции, проходившей в рамках форума.

Данный сборник будет интересен студентам, аспирантам, преподавателям и практикующим специалистам психологических и психолого-педагогических специальностей.

УДК 159
ББК Ю9я43

ISBN 978-5-7996-1242-9

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА

Современная рыночная экономика предъявляет к нашему обществу значительные требования, создавая жесткую конкурентную среду, организуя своеобразное соревнование между фирмами, корпорациями и государствами, для победы в котором участники должны предоставить рынку наиболее качественные товары и услуги. Неспособность выполнить эти требования ведет к вытеснению слабых участников с рынка подобно тому, как в природе более слабые биологические виды вымирают под воздействием естественного отбора. Одним из основных приспособительных механизмов, определяющих успешность существования общества в таком конкурентном экономическом пространстве, является высокий уровень профессионализма его членов.

С этой точки зрения, «выращивание» профессионалов высокого уровня – одна из важнейших задач, стоящих перед обществом. Для этой цели в нашей стране организована система профессионального образования, позволяющая каждому гражданину РФ получить необходимые знания, умения и навыки. Однако с точки зрения ряда специалистов, эти знания, умения и навыки являются необходимым, но не достаточным условием для становления и развития профессионализма студентов. В частности, начинающему специалисту необходимо иметь адекватные представления об области профессиональной деятельности, которую ему предстоит изучать, о своих особенностях, которые помогают ему эту деятельность реализовывать, а также об объекте, с которым ему предстоит работать. Наличие подобных представлений позволяет студенту сориентироваться в мире профессий и оберегает его от возможного разочарования в избранном им профессиональном пути. А получить такие представления можно лишь при прямом соприкосновении со сферой профессиональной деятельности.

Прямое соприкосновение с профессией в процессе обучения в вузе осуществляется в различных формах: с помощью специально организованной практики, общения с практикующими специалистами, разработки и внедрения разнообразных студенческих проектов. Реализация данных форм требует организации особой среды, подразумевающей свободную, творческую атмосферу, разнообразие форм работы и отсутствие коммуникативных барьеров между участниками. Прошедший с 1 по 5 апреля Всероссийский молодежный психологический форум Российской ассоциации студентов-психологов ставил под собой целью создание подобной среды.

Очередной форум, прошедший в Екатеринбурге, является восьмым по счету. До этого подобные форумы с успехом были проведены в Москве (2002), Ярославле (2006), Самаре (2007), Архангельске (2008), Казани (2010), Волгограде (2011) и Череповце (2013).

В нынешнем форуме участвовали более 50 человек, в том числе из Москвы, Архангельска, Череповца, Кирова, Тюмени и Волгограда. В течение пяти дней они принимали участие в разнообразных практических тренингах и мастер-классах практической направленности, охватывающих широкий диапазон направлений, начиная от нейропсихологии и когнитивно-поведенческой терапии и заканчивая телесно-ориентированной и арт-терапией. Также в рамках форума была проведена конференция, которая предполагала проведение круглых столов, в рамках которых участники выступали с научными докладами, материалы которых и представлены в данном сборнике. Участники форума охватили достаточно широкое проблемное поле: материалы конференции касаются разнообразных сфер психологической теории и практики – от мотивации донорства до психофизиологических основ креативности. Лучшие доклады были отмечены наградами. Кроме того, итогом данной конференции стало решение о проведении совместного исследования психологических особенностей активистов студенческих движений, что в дальнейшем поможет выявлять и эффективно направлять их активность в продуктивное русло.

В. В. Савельев

Н. И. Бакушкина
Департамент психологии ИСПН УрФУ

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВНУТРИПАРНОЙ СОГЛАСОВАННОСТИ НЕКОТОРЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК УЧАСТНИКОВ ДОБРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ПАРЫ

Институт семьи в современной России претерпел сильные изменения. Об этом говорят многие факты, в частности, увеличение количества различных форм интимных отношений, а также распространение такой формы, как внебрачные интимные или добрачные отношения. Это вид незарегистрированных отношений, при котором партнеры не проживают вместе и не ведут совместного хозяйства.

Добрачные отношения – важный феномен, которым интересуются специалисты различных областей науки (психологи, социологи, демографы и др.). Интересен он тем, что именно в данный период закладываются основы будущих взаимоотношений партнеров.

Но стоит отметить, что, как правило, участники любовных отношений на данном этапе не задумываются всерьез о последующем создании семьи. Так, в исследованиях С. И. Голода было обнаружено, что на первом месте в добрачных отношениях стоит «любовная» мотивация, на втором – приятное времяпрепровождение и ощущение близости другого человека. «Брачная» же мотивация у женщин оказалась на третьем месте, а у мужчин – на шестом [см.: Голод].

Как правило, данный период служит лишь этапом для будущих брачно-семейных отношений. Конечно, он может закончиться и распадом пары. И здесь причинами могут быть самые разнообразные факторы.

Цель данной работы заключается в том, чтобы проанализировать, какие психологические и социодемографические характеристики партнеров, состоящих в добрачных отношениях, могут

влиять на устойчивость пары, а именно: согласованность партнеров по различным характеристикам. Согласованность в паре – необходимая составляющая гармоничных отношений, а также один из факторов благополучия пары и удовлетворенности отношениями.

Прежде чем приступать к описанию самого исследования, рассмотрим динамику развития добрачных отношений. В своей работе мы опирались на модель М. А. Абалакиной. Данный автор выделяет три стадии позитивного развития добрачных отношений. Границы стадий условны и зависят от динамики отношений в конкретной паре [см.: Абалакина].

Итак, первая стадия – это стадия знакомства и формирования первичной структуры пары. Для данного периода характерна сильная эмоциональная увлеченность, взаимовыраженная симпатия, влюбленность. На данном этапе происходит более близкое знакомство партнеров, накопление разнообразных совместных переживаний и впечатлений. Как правило, данная стадия длится недолго и часто может закончиться разрывом отношений в случае, если партнеры поймут, что не подходят друг другу.

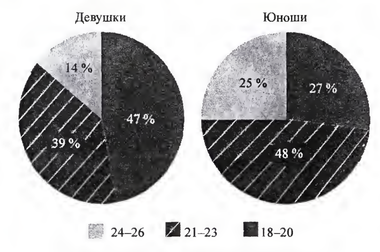
Следующая стадия – формирование устойчивых отношений. О переходе на данный этап развития отношений говорит устойчивый характер взаимоотношений в паре. Для данной стадии характерно выраженное чувство любви, сильная эмоциональная привязанность. Как правило, в этот период возникает феномен взаимных претензий, каждый из участников любовных отношений заявляет о «праве собственности» на своего партнера. Именно сейчас могут появляться более или менее серьезные мысли о продолжении отношений и переходе их на новый уровень, мысли о приобретении нового статуса. Вследствие этого происходит проверка функционально-ролевых ожиданий (т. е. партнеры анализируют соответствие своих представлений о будущей семье) [см.: Андреева].

Третья стадия – принятие решения о дальнейшей трансформации отношений. После проверки своих представлений о будущих брачно-семейных отношениях партнеры, как правило, выбирают модель дальнейшего существования пары (официальная регистрация отношений, сожительство и др.). На данном этапе для пары характерны стабильные отношения. Постепенно снижается степень

идеализации партнера (восприятие друг друга адекватно реальности), и это не сказывается на удовлетворенности отношениями в паре.

Нами в 2013 году было проведено эмпирическое исследование, в котором в качестве респондентов приняли участие 56 гетеросексуальных пар в возрасте от 18 до 26 лет, которые состояли во внебрачных интимных отношениях продолжительностью от 1 года до 7 лет. Важным условием было несовместное проживание партнеров.

Возрастная структура выборки показана на следующем рисунке.

Возрастная структура выборочной совокупности

Для исследования были использованы следующие методики: опросник Айзенка на определение темперамента, полоролевой опросник Сандры Бем, а также «Анкета качества межличностных отношений» (Е. С. Иванова, К. С. Копытова).

Вся выборка была разделена на 3 группы. Критерием для деления служила продолжительность отношений. Таким образом, мы получили следующие группы:

- 1 группа – от 1 года до 1,5 лет (20 пар);
- 2 группа – от 1,5 лет до 4 лет (18 пар);
- 3 группа – от 4 лет и более (18 пар).

Границы были определены самостоятельно, так как не существует какого-либо четкого описания перехода отношений с одного этапа на другой.

В выборочную совокупность не включались пары с продолжительностью отношений менее года, так как нас интересовали уже устоявшиеся пары. Граница между первой и второй группами была определена в 1,5 года, так как примерно с этого времени пары становятся более устойчивыми и разрывов происходит гораздо меньше, чем на начальных этапах. В третью группу мы включили пары, находящиеся в отношениях на протяжении 4 и более лет, так как они уже пережили так называемый кризис трех лет, который имеет место как в супружеской жизни, так и в период добрачных отношений.

Нашей задачей был анализ согласованности некоторых психологических и социодемографических характеристик участников любовных отношений и определение, как эта согласованность трансформируется в зависимости от этапа отношений, на котором находится пара.

Для статистического анализа использовался непараметрический критерий – коэффициент ранговой корреляции Кендалла (тау Кендалла, τ).

Нами были получены следующие результаты:

1. У пар из первой группы, которые находятся на стадии становления отношений, высоко согласованы такие социодемографические характеристики, как образование ($\tau = 0,658$)[1], хобби ($\tau = 0,703$) и опыт длительных любовных отношений ($\tau = 0,560$); психологические: переживание чувства любви в повседневной жизни ($\tau = 0,567$), чувства счастья ($\tau = 0,577$) и любви ($\tau = 0,467$) по отношению к партнеру.

2. Во второй группе высокие показатели имеет внутрипарная согласованность следующих социодемографических характеристик: характер доминирования в родительской паре ($\tau = 0,690$), ха-

---

[1] Здесь и далее в скобках указаны значения коэффициента ранговой корреляции Кендалла (тау Кендалла, τ).

рактер взаимоотношений в паре ($\tau = 0,631$), образование ($\tau = 0,585$), возраст ($\tau = 0,388$), хобби ($\tau = 0,509$), социальный статус ($\tau = 0,475$), опыт длительных отношений ($\tau = 0,478$), характер доминирования в паре ($\tau = 0,364$); психологических – нейротизм ($\tau = 0,448$), переживание чувства любви ($\tau = 0,444$) и безразличия ($\tau = 0,487$) в повседневной жизни, переживание чувства любви ($\tau = 0,465$) по отношению к партнеру.

3. Для пар из третьей группы характерна высокая согласованность социодемографических характеристик: возраст ($\tau = 0,567$) и опыт длительных отношений ($\tau = 0,686$); психологических: переживание чувства интереса ($\tau = 0,682$) по отношению к партнеру.

Итак, исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что, в зависимости от продолжительности существования пары, на первый план выходит согласованность различных характеристик. При этом следует отметить, что на каждом из этапов высоко согласованы те характеристики, которые соответствуют тому, что важно для партнеров именно на данной стадии отношений.

Так, на начальном этапе отношений важно сходство интересов, образования, структуры времяпрепровождения (в том числе и совместного). Также высоко согласованы переживания позитивных чувств (любви и счастья). И это логично, ведь в начале отношений партнеры испытывают сильное чувство влюбленности.

На втором этапе отношений добавляется согласованность характеристик, которые непосредственно связаны с моделями построения отношений в паре. При этом важна согласованность и таких показателей, которые характеризуют взаимоотношения в родительской семье. Молодые люди нередко перенимают стиль поведения своих родителей и переносят его в свои отношения (часто это происходит неосознанно).

На втором этапе также согласованы эмоциональные переживания и такая характеристика, как нейротизм. Это говорит о том, что для партнеров важно находиться в одном эмоциональном поле и поддерживать эмоциональный резонанс по отношению друг к другу. Особенно это касается чувства любви, так как оно является основным для построения отношений в паре.

Интересные данные получены в группе, в которую вошли пары с продолжительностью отношений более 4 лет. В данной группе показательно меньше характеристик, которые согласованы между собой. Таким образом, получается, что те пары, которые длительное время находятся в близких интимно-личностных отношениях, но не переходят на их новый уровень, не создают семью (которая предполагает совместное проживание, ведение общего хозяйства и т. д.), хотят получать от данных отношений лишь постоянное чувство нахождения рядом значимого другого. Именно поэтому у них высоко согласовано переживание чувства интереса по отношению друг к другу. Вероятно, для них важна согласованность каких-то совершенно иных характеристик, которые не анализировались в рамках данного исследования.

Подводя итог, можно сказать, что в зависимости от продолжительности существования пары взаимоотношения между партнерами, а также различные значимые для них параметры могут носить качественные различия.

Библиографические ссылки

Абалакина М. А. Анатомия взаимопонимания. М., 1990.

Андреева Т. В. Семейная психология : учеб. пособие. СПб., 2004.

Голод С. И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996.

А. М. Белобородов
Департамент психологии ИСПН УрФУ

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ПОДРОСТКОВ В ФОРМАТЕ ТРЕНИНГА

Сейчас все больше проявляется зависимость успешности человека от уровня развития его коммуникативных способностей. Об этом сообщается в многочисленных исследованиях [Субочева;

Фисун, Бурмистрова и др.]. В подростковом возрасте ребенок впервые начинает интересоваться интимно-личностным общением. Данный период является сенситивным для развития коммуникативных способностей, поэтому общение особенно эффективно.

Наилучшим методом формирования коммуникативных способностей является социально-психологический тренинг, в ходе которого подростки получают ЗУН, необходимые в общении. На основе полученных ЗУН формируются коммуникативные способности.

Целью проведенной нами работы является разработка и апробация программы тренинга, направленного на развитие коммуникативных способностей у подростков.

Для реализации данной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Подобрать методики для диагностики уровня развития коммуникативных способностей учащихся.

2. Разработать программу тренинга, направленного на развитие коммуникативных способностей подростков.

3. Провести диагностику уровня развития коммуникативных способностей учащихся до и после тренинга.

4. Апробировать программу тренинга, направленного на развитие коммуникативных способностей на группе подростков.

5. Проанализировать полученные в ходе экспериментального исследования данные.

Объект исследования – учащиеся 8-го класса лицея № 135 Екатеринбурга в количестве 25 человек.

Предметом исследования являлись коммуникативные способности.

Данное исследование является формирующим экспериментом.

Была выдвинута следующая гипотеза: в процессе реализации разработанной нами программы тренинга происходит развитие коммуникативных способностей подростков.

Эксперимент проводился в четыре этапа. Первый этап организационный. Второй этап – диагностический. На этом этапе было проведено тестирование всего класса по подобранным методикам («Методика исследования социального интеллекта» Дж. Гилфорда

и М. Салливена; «Диагностика коммуникативных и организаторских способностей» – КОС-2 В. В. Синявского и В. А. Федорошина; опросник «Диагностика “эмоционального интеллекта”» Н. Холла). Третий этап (формирующий) включал апробацию программы тренинга. Последний этап предполагал посттренинговую диагностику.

В ходе исследования была проведена качественная и количественная обработка данных.

Качественная обработка заключалась в анализе высказываний участников тренинга, а также в анализе анкет, заполненных участниками в конце программы тренинга.

Выводы

1. Подростки оценили атмосферу, в которой проходил тренинг. На вопрос анкеты «Мне не очень понравилось, что на тренинге…» ребята давали ответы, не связанные с вопросом («Все понравилось»; «Было круто, весело и позитивно»; «Мы много общались и не стеснялись своих эмоций»). Это может быть связано с тем, что участники, испытывая позитивные эмоции, даже не замечали частицу «не» в вопросе. Для создания рабочей атмосферы необходимо, чтобы участники доверяли друг другу и были сплочены. Позитивный настрой при завершении тестирования является маркером такой атмосферы.

2. Следующее, что ярко проявилось в ходе тренинга, – это изменения различного рода отношений («отношения к людям»; «отношения в классе»; «отношения к самой себе» и т. д.). Этот пункт говорит о том, что ребята стали по-новому оценивать межличностные отношения. Стали более внимательными к своим собственным ощущениям, к чувственному миру другого человека.

3. Участники тренинга отмечают, что стали больше задумываться о последствиях своих поступков («Сейчас я стараюсь продумать свои действия заранее, чтобы потом не оказаться в неприятной ситуации»).

4. Ребята делились ситуациями, в которых они изначально поддавались эмоциональному порыву, а потом осознавали, что испытывают сильные негативные эмоции и старались с ними справить-

ся. Получалось по-разному. Одни рассказы были связаны с тем, как подростки отмечали эмоции у других людей и говорили им об этом («Когда я вчера говорила с мамой, она постепенно начинала говорить все громче и громче, тогда я спросила ее о том, почему она сердится, услышав это, мама извинилась и сказала, что просто устала»).

5. Подростки отмечают, что «лучше узнали себя и других». Участники тренинга смогли посмотреть на себя со стороны, поучаствовать в новых ситуациях, в которых они себя как-то проявили, так же они лучше узнали своих одноклассников, что в итоге привело к формированию более сплоченного коллектива.

Таким образом, опираясь на высказывания участников тренинга, можно сказать, что проведенный психологический тренинг оказал позитивное влияние на развитие коммуникативных способностей подростков. Также подростки смогли изучить себя и остальных участников тренинга.

Количественная обработка исследования заключалась в проведении повторного тестирования, которое показало статистически значимое увеличение результатов по некоторым шкалам методик. При этом между экспериментальной и контрольной группами появились достоверные различия. Экспериментальная группа превосходила контрольную по ряду шкал:

1. Субтесту № 2 «Социального интеллекта» Гилфорда;
2. Субтесту № 3 «Социального интеллекта» Гилфорда;
3. Композитной оценке социального интеллекта по Гилфорду;
4. Шкале «Эмоциональная осведомленность» в методике Н. Холла «Эмоциональный интеллект»;
5. Шкале «Управление своими эмоциями» в методике Н. Холла «Эмоциональный интеллект».

Следовательно, гипотеза о том, что в процессе реализации разработанной нами программы тренинга происходит развитие коммуникативных способностей подростков, подтвердилась.

По шкале «Самомотивация» в методике Н. Холла, в которой до тренинга были выявлены значимые различия (контрольная группа превосходила экспериментальную), после тренинга значимых различий обнаружено не было, результаты сравнялись.

По результатам посттренинговой диагностики можно судить о позитивном влиянии тренинга на коммуникативные способности испытуемых.

Библиографические ссылки

Субочева О. Н. Межличностные отношения в системе управленческой деятельности производственной организации. М., 2000.

Фисун В. И., Бурмистрова Е. В. Роль коммуникативных способностей в волонтерской деятельности студентов // Актуальные проблемы психологического знания. М., 2009. С. 59–66.

М. С. Владимирова
Департамент психологии ИСПН УрФУ

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ. ПОЛОРОЛЕВОЙ ОПРОСНИК С. БЕМ

С каждым годом исследования гендера набирают все большую популярность. В настоящий момент гендер понимается как социально-биологическая характеристика, с помощью которой люди дают определения понятиям «мужчина» и «женщина» [см.: Берн]. Предметом нашего исследования является полоролевой опросник Сандры Бем (The BSRI-test), предложенный в 1974 году и направленный на изучение гендера. В 1981 году вышла его сокращенная версия, русскоязычной адаптации которой на сегодняшний момент не существует [см.: Bem]. В оригинале тест представляет собой список из 60 качеств, 20 из которых отражают социокультурное представление о маскулинности, 20 – о фемининности, а 20 являются нейтральными (не являются специфичными для того или иного гендера). Данные качества были собраны автором методики путем опроса студенческой аудитории на предмет того, какие из них характерны для мужчин, женщин, а какие нейтральны. Первоначальный список качеств состоял из нескольких сотен.

Использование данного теста позволяет понять, вписывается ли тот или иной индивидуум в существующую парадигму гендерных представлений и насколько. Если ставится вопрос конформности индивидуума относительно социокультурной парадигмы, то применяется дискретная шкала ответа, если «насколько», то семибалльная (где 1 соответствует утверждению «совсем не подходит», а 7 – «подходит почти всегда»). Подсчет результатов производится по шкалам маскулинности и фемининности, разница является показателем либо типичной гендерной принадлежности (в соответствии с полом), либо нетипичной (противоположно полу), либо недифференцируемости гендера (недостаточное количество баллов по обеим шкалам), либо андрогинности индивидуума (высокие показатели по обеим шкалам) [см.: Бем].

В классической адаптации на русском языке существуют некоторые спорные моменты. Предлагается использование только дискретной шкалы ответов испытуемого, обработка качеств производится с учетом коэффициента 2,322, которого нет в оригинале, кроме того, встает вопрос о точности перевода (автор адаптации в источниках не указан; пример: *soft sporen* = «тихий голос», *flatterable* = = «падкий на лесть» и др.). Несмотря на это опросник активно используется в гендерных исследованиях.

В прошлом году несколько студенческих работ департамента психологии ИСПН УрФУ включали в себя тест Сандры Бем, по результатам которого около 80 % опрошенных попали в категорию андрогинов. Наряду с этим, благодаря проведенному нами исследованию [см.: Владимирова], было установлено, что представления о фемининности и маскулинности, выявленные в результате опроса студенческой молодежи в нашей стране в 2013 году, не совпадают с теми, о которых писала С. Бем. Таким образом, андрогинность, оказывается, связана не с высокими показателями по фемининности и маскулинности, а с увеличением числа универсальных характеристик.

Изложенное выше позволяет сомневаться в правомерности применения опросника С. Бем в классической русскоязычной адаптации в сфере гендерных исследований. Поэтому, на наш взгляд,

наиболее предпочтительным в настоящий момент является использование адаптированной версии данного опросника, разработанной М. В. Бураковой [см.: Буракова].

Библиографические ссылки

Бем С. Линзы гендера : Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М., 2004.

Берн Ш. Гендерная психология : законы мужского и женского поведения / пер с англ. СПб., 2007. (Сер. Психология – лучшее).

Буракова М. В. Интерпретация маскулинности – фемининности внешнего облика женщины (на примере прически): дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2000.

Владимирова М. С. Исследование представлений об актуальной гендерной дифференциации… // «Человеческое, слишком человеческое…» : материалы конф. Оксфорского Российского фонда. Екатеринбург, 2013.

Bem S. L. The measurement of psychological androgyny // J. of Consulting and Clinical Psychology. 1974. Vol. 42. P. 165–172.

Н. Н. Воробьев, И. А. Табунов

Кафедра психологии и педагогики ЧГУ

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЯ ОБУЧЕНИЯ И УСПЕШНОСТИ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

В процессе обучения в вузе студенты могут показывать разный уровень успеваемости. В качестве причин этого выступает довольно большое количество факторов. Одним из них может являться стиль обучения.

Стиль обучения – это способ осуществления учебной деятельности, наиболее близкий и удобный человеку. Существует 4 стиля обучения.

Деятель. Такие люди своеобразны в своей природе, в любом виде деятельности они не сидят на месте, а работают не покладая рук. Причем их стиль – всегда идти напролом. Это проявляется в том, что деятели вечно сталкиваются с теми же ошибками, что

совершали ранее. Они не оглядываются назад, для них важно действие.

Следующий стиль представлен *мыслителями*. Это полная противоположность деятелям. Они показывают себя как личности, предпочитающие перебирать в памяти, что с ними происходит, пока все действие не проходит мимо них. Предпочтут обдумывание задачи активному участию в ней.

Представитель третьего стиля обучения – *теоретик*. Он похож на мыслителя, но только по медлительности. Из-за того, что теоретик испытывает жгучий интерес к разработке концепций, на деятельность сил у него просто не остается.

Последний стиль обучения представлен *прагматиком*. Ему не свойственно думать о будущем или прошлом действия. Ему необходим сам процесс, реальные события. Может слишком многое игнорировать. Когда его просят подумать о возможном варианте развития событий, он теряет терпение.

Прагматики стремятся проверить все идеи, теории и техники, чтобы убедиться, что они работают на практике. Они постоянно ищут новые идеи и при первой же возможности экспериментируют с их применением. Стремятся преуспеть в делах и действуют быстро и уверенно, если идея их привлекает. Они нетерпимы к размышлениям и открытым дискуссиям. Это очень практичные, приземленные люди, которые реагируют на проблемы как на «вызов». Их философия – «всегда есть лучшее решение» и «то хорошо, что работает».

Подводя итог сказанному, можно отметить, что такие различия в стилях обучения скорее всего будут порождать различия в успешности учебы в вузе.

Целью нашего исследования стало выявление зависимости успеваемости студентов от стиля обучения. Опросник, который мы использовали для выявления стилей обучения студентов, – «Learning Styles Questionnaire» английских психологов П. Хоней и А. Мамфорда в адаптации отечественных ученых А. Д. Ишкова и Н. Г. Милорадовой. Согласно этой методике, можно измерить выраженность каждого из четырех стилей обучения, описанных выше. В исследо-

вании приняли участие 268 студентов первых курсов двух институтов Череповецкого государственного университета: Института информационных технологий (ИИТ), в основном IT-специальностей, и Института педагогики и психологии (ИПиП), специальности психолого-педагогических направлений. Для оценки успеваемости были взяты данные о среднем рейтинге студентов по дисциплинам их специальности.

Исходя из описания стилей, мы решили, что каждый из них обладает своими недостатками, которые могут спровоцировать «неуспешность» обучения. Поэтому студенты, обладающие определенной долей гибкости в освоении учебной программы, умеющие сочетать несколько стилей обучения, будут более успешны. Мы выделили две группы студентов: с адаптивным стилем учебной деятельности (выражено на среднем и выше уровне три или четыре стиля обучения) и с неадаптивным (выражено менее трех стилей).

Гипотезой исследования послужило следующее предположение: студенты с адаптивным стилем будут учиться успешнее, чем с неадаптивным.

Для определения успешности обучения мы вычислили среднее значение рейтинга студентов по всей выборке. Студенты с рейтингом выше среднего были отнесены к группе успешных, остальные – неуспешных. К слову, среднее значение получилось равным 55,8 балла. В нашем университете оценка в 55 баллов означает получение зачета или оценки «удовлетворительно» на экзамене. Таким образом, это довольно символично. В группу успешных попали действительно успешные студенты, имеющие оценку «удовлетворительно» и выше.

Мы получили распределение студентов по обозначенным группам (таблица).

Из таблицы мы видим, что студентов с адаптивным стилем обучения больше в группе успешных и в том, и в другом институте. Таким образом, при первичном анализе данных мы можем говорить о подтверждении нашей гипотезы.

При дальнейшем анализе данных исследования нам хотелось бы уделить внимание конкретным стилям, которые способствуют

Взаимосвязь успешности обучения
и адаптивности стиля обучения, %

	ИИТ		ИПиП	
	Адаптивный стиль	Неадаптивный стиль	Адаптивный стиль	Неадаптивный стиль
Успешные	45	15	39	23
Неуспешные	20	20	12	26
Итого	100		100	

или, наоборот, мешают успешному обучению. Также имеет смысл рассмотреть различия в стилях обучения студентов разных специальностей. И, несомненно, даже гипотеза этого исследования нуждается в проверке методами математической статистики.

А. А. Гусельникова
Департамент психологии ИСПН УрФУ

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АРТ-ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В последнее время бурно развиваются новые варианты психофизиологических методов, основанные на применении электронной техники: компьютерная и магниторезонансная томография. Их применение в психологических исследованиях, по-видимому, имеет хорошие перспективы.

Однако важно отметить, что все методы рассматриваемой группы регистрируют физиологические корреляты психической деятельности. Их нельзя рассматривать как непосредственные и полностью адекватные методы психологического измерения, что иногда встречается в научной литературе.

Поэтому не теряют своего значения и остаются актуальными самые разнообразные психофизиологические методы, разработан-

ные начиная с рубежа XIX–XX веков до нашего времени. Их использование может продемонстрировать эффективность самых новых и актуальных направлений психотерапии, в частности арт-терапии.

В ходе работы было разработано и проведено исследование возможностей применения рассмотренных психофизиологических методов, чтобы оценить эффективность конкретных форм арт-терапевтического воздействия – воздействия на изменение дифференциального порога цветового восприятия.

По результатам нашего исследования группа испытуемых, состоящая из 16 человек и участвовавшая в занятии по арт-терапии, улучшила показатели дифференциального порога восприятия цветов в среднем на 29 %.

В. А. Дихорь
Департамент психологии ИСПН УрФУ

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В СТЕРЕОТИПАХ ВОСПРИЯТИЯ ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ

2 декабря 2010 года в Цюрихе было объявлено, что именно Россия выиграла право проводить чемпионат мира по футболу в 2018 году. Прошло уже 3,5 года и теперь об этом событии знает каждый житель Екатеринбурга, в строительство стадионов вкладывается значимая часть бюджета. Кроме того, в стране началась крупномасштабная акция в поддержку популяризации футбола: открываются новые спортивные школы, регулярно проводятся мастер-классы с лучшими спортсменами страны. Государственные СМИ с завидным постоянством освещают футбольные новости.

Однако большинство таких мероприятий направлено на мужскую половину почитателей этого вида спорта. Болельщик или, тем более, фанат ассоциируется с маскулинным мужчиной, а не с хрупкой девушкой-студенткой. Так почему же девушки становятся фанатками? Каковы основные причины их прихода на стадион?

Главной целью нашего исследования стало выявление стереотипов восприятия футбольных фанатов и фанаток в России. Респондентам предлагалось оценить поведение представителей движения, сделать предположения о мотивации и также выделить отличительные личностные особенности. Причем отдельные вопросы касались девушек-фанаток, причин и целей их присутствия в движении. Для составления стереотипного коллективного портрета была использована методика диагностики межличностных отношений Тимоти Лири, из 128 прилагательных необходимо было выбрать те, которые, по мнению опрошенного, соответствовали представлению о российском футбольном фанате.

При обработке результатов респонденты были разделены по принципу наличия в окружении футбольных фанатов. Коллективные портреты этих групп значительно отличаются друг от друга. Также есть различия у девушек и молодых людей в стереотипах восприятия.

В. А. Дудин
Кафедра общей и социальной психологии ТГУ

ПСИХОДИАГНОСТИКА ЛОКУСА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ: ПРОЕКТИВНАЯ МЕТОДИКА

Человеку постоянно приходится решать те или иные задачи, связанные с повседневными обязанностями или трудными жизненными ситуациями. Все люди по-разному ведут себя в этих ситуациях, и соответственно каждый получает свой результат. Опишем несколько таких ситуаций и покажем, какими бывают стили поведения людей:

1. Человек, находящийся в длинной очереди, выстроившейся за получением посылок на почте. В помещении душно, и вместо трех окон для обслуживания, работает одно. От начала очереди до получения посылки проходит примерно час. Реакции на ситуацию могут быть следующими: а) раздраженно, но молча, «про себя»

ненавидеть государство, президента или почту, по вине которых (как он предполагает), теряется столько времени; б) ругаться с людьми, стоящими в очереди, выплескивая свое раздражение; в) разговаривать по телефону или слушать плеер, чтобы скоротать время; г) медленно и неторопливо наблюдать за людьми, получая удовольствие от нахождения «здесь и сейчас».

2. Трое друзей мечтали вести свой бизнес. Когда они начинали его, то за год не смогли набрать себе клиентов, чтобы получать хотя бы минимальный заработок. Все это время они нигде не работали. За весь год не получили результатов в бизнесе, денег и профессионального опыта – такая ситуация является стрессовой. Они могли бы: а) не внося изменений в способ, продолжать набирать клиентов, надеясь, что этим решат проблему; б) отказаться от идеи и устроиться на работу с окладом, под предлогом, что необходимы деньги; в) найти опытных специалистов, которые могли бы помочь преодолеть барьер в развитии бизнеса; г) разобраться в психологической причине – «почему не получается то, чего так сильно хочется».

Непосредственный объект нашего исследования – различные поведенческие реакции на трудные жизненные ситуации. Второй объект – это глубинные причины такого поведения, многие ответы на них можно найти в уже сформированных направлениях: психосоматика, психологические защиты, копинг-стратегии, личностный рост и концепции СЖЛ, которая рассматривает их как разные грани одной и той же системы.

Современные психодиагностические методики, направленные на измерение различных качеств личности, поведения, характера и т. д., характеризуются следующими качествами:

а) выявляют отдельно взятые качества личности (тревожность, агрессивность, коммуникативный потенциал, способность к спонтанности и т. д.), которые не могут обеспечить представление о личности в целом и не показывают, почему сложился именно такой личностный профиль;

б) дают симптоматическое представление об исследуемом психическом феномене, т. е. направлены на количественное измерение присутствующего качества.

Работа, которую мы представляем, служит для решения данных проблем. Две формы методики дадут возможность проводить групповую и индивидуальную психодиагностику (например, в целях проверки результатов терапевтической работы).

Сейчас мы ведем разработку проективного варианта методики для диагностики локуса жизнеобеспечения личности. Цель методики: глубинная диагностика индивидуальной динамики жизнеобеспечения личности, обеспечение возможности прогнозировать дальнейшее перспективы ее развития и поведение в конкретной жизненной ситуации.

А. А. Жукова
Департамент психологии ИСПН УрФУ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ И ОБУЧЕНИЯ ИГРЕ НА ФОРТЕПИАНО МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Согласно исследованиям отечественных психологов обучение игре на фортепиано положительно воздействует на работу высших психических функций, улучшает когнитивные способности, такие как мышление, речь, память, пространственная ориентация и способность к рассуждению и усвоению информации, формирует механизмы, связанные со структурами периферической нервной системы, а также способствует становлению эстетического вкуса [см.: Кирнарская; Теплов].

Практика показывает, что огромное количество детей, через два-три года после начала занятий в музыкальных школах бросают учебу, хотя пришли туда с большим желанием учиться. Причиной этого является скудный запас психологических познаний у педагогов-музыкантов, не способных сформировать у воспитанников эмоциональной отзывчивости на музыку.

Для того чтобы избежать данного явления, педагогу необходимо получить профессиональную подготовку, включающую в себя информацию о психологических механизмах эстетического переживания содержания произведения (множественность интерпретаций, объективные и субъективные факторы художественного восприятия), о структуре музыкальных способностей (общие, основные и исполнительские способности), составляющих ядро музыкальности; о роли идеомоторных актов (движений) в формировании исполнительских способностей, а также о наиболее целесообразных способах разбора музыкального произведения (предварительное прослушивание, анализ произведения, выбор аппликатуры, тщательное разучивание технических приемов игры в медленном темпе, овладение педальной нюансировкой и т. д.) [см.: Надырова].

Кроме того, ему необходимо иметь представления о характеристиках эмоциональной и волевой сфер младшего школьника, о роли поощрения и порицания в обучении, а также учете временных психологических состояний ребенка и его возрастных особенностей.

Также педагог должен знать о роли и особенностях мотивационной сферы младшего школьника (мотивация достижения, социальная и престижная мотивация, нередко компенсаторная мотивация и др.) и о психических процессах, которые складываются у ребенка во взаимодействии со взрослым, а затем находят свое проявление в его самостоятельной деятельности, т. е. о «зоне его ближайшего развития» (для адекватной оценки возможностей ученика и последующей правильной организации обучения) [см.: Матюхина, Михальчик, Прокина].

Применение на практике всех этих знаний поможет педагогу не только довольно эффективно оказывать влияние на процессы эмоционального восприятия и постижения музыки младшим школьником, но и сохранить его интерес к музыкальным занятиям на протяжении долгих лет.

Библиографические ссылки

Кирнарская Д. К. 10 причин отдать ребенка в музыкальную школу // Музыкальная психология и психотерапия. 2009. № 6 (13).

Матюхина М. В., Михальчик Т. С., Прокина Н. Ф. Возрастная и педагогическая психология : учеб. пособие для студентов педагогических университетов по специальности № 2121 «Педагогика и методика начинающего обучения» / под ред. М. В. Матюхина. М., 1984.

Надырова Д. С. Музыкальное развитие в процессе музыкального обучения : учеб. пособие. Казань, 2008.

Теплов Б. М. Психология музыкальных способностей. М., 1947.

О. В. Капитонова

Кафедра психологии и педагогики ЧГУ

КИНОТЕРАПИЯ КАК СРЕДСТВО РАЗРЕШЕНИЯ ВНУТРИЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ

Что такое кино? Ответы на этот вопрос могут быть самыми разнообразными. Кто-то будет утверждать, что кино – это искусство. Для кого-то кино – это сказка о красивой, но нереальной жизни. Если рассматривать кино с точки зрения психологии, то оно представляет собой уникальный инструмент для самопознания и личностного развития.

Кинотерапия – это метод групповой психотерапии, предполагающий просмотр и обсуждение кинофильма с помощью психолога. В процессе просмотра участник познает свои личностные особенности. Ярким примером этого может служить не только разное мнение о фильме у разных людей, но и его интерпретация, пересказ. Если десять человек, посмотревших один и тот же фильм, соберутся вместе обсудить его, то в процессе обсуждения непременно обнаружится, что они как будто посмотрели десять разных фильмов, причем каждый увидел фильм о своей собственной жизни.

Метод кинотерапии предполагает, что человек, смотрящий фильм, идентифицирует себя с героем (или героями), переносит себя на его (их) место, рассматривает его (их) поступки со своей

жизненной позиции. Во время обсуждения люди, обмениваясь мнениями, видят различия в них и различия друг в друге, таким образом узнавая больше о себе.

На сеансах кинотерапии участники могут, сочетая эстетическое и интеллектуальное удовольствие, решать личностные задачи. В процессе просмотра фильма и анализа собственного эмоционального восприятия его образов человек исследует свои личностные особснности и выявляет бессознательные поведенческие паттерны. Вслед за этим становится возможным переход к сознательной коррекции своих действий и осознанным изменениям в жизни.

Обобщим все вышесказанное о цели кинотерапии:

1. Эмоциональное переживание (отреагирование) и проживание участниками актуальных на данный момент жизни ситуаций и проблем.

2. Осознание и переосмысление себя и своих целей, действий, чувств, потребностей, психологических проблем.

3. Развитие способности самонаблюдений и умения быть честными перед самими собой в своих чувствах и поступках, чтобы управлять своей жизнью в позиции объективного наблюдения ситуации.

4. Развитие способности к самораскрытию, искренности в выражении чувств и нахождению в контакте с чувствами и смыслами других людей, способности к сопереживанию.

5. Духовный рост.

Для достижения максимального результата при проведении кинотерапии необходимо особое внимание уделить подготовительному этапу, заключающемуся в выборе фильма (соответствие фильма поставленным задачам, наличие четкой и строгой тематической линии, желательная продолжительность – не более 120 мин.), его анализе, выделении ключевых моментов, возможных проблемных участков, постановке вопросов, подготовке места проведения занятия.

Второй этап – сам сеанс. В начале занятия перед участниками ставятся вопросы, на которые им необходимо найти ответы, далее идет просмотр.

Заключительным этапом является обсуждение. Участники отвечают на поставленные вопросы, высказывают свое мнение, анализируют мысли, чувства, реакции, которые вызвали у них герои данного кинофильма. Затем психолог обобщает все вышесказанное, дает перечень проблем, чувств, ситуаций, которые вскрыл фильм, анализирует высказанные мысли и идеи.

После сеанса кинотерапии участники имеют возможность принять решения о дальнейших действиях, еще раз проанализировать свои мысли и чувства, которые могут помочь в решении стоящего перед ними вопроса.

Таким образом, кино – это не просто вариант развлечения, но и возможность человека раскрыться, лучше понять себя, отреагировать на возникшие в данный момент жизни ситуации и проблемы и прожить их.

С. И. Меламед
Департамент психологии ИСПН УрФУ

НАИБОЛЕЕ ПОПУЛЯРНЫЕ СРЕДИ ГЕНДЕРНО-ПОЛОВЫХ ГРУПП СТРАТЕГИИ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В ПАРТНЕРСКОЙ ПАРЕ

Сегодня в психологии исследуются различные гендерные особенности общения: специфика коммуникации, межличностного взаимодействия [см.: Ильин], поведение в отношениях, в том числе при конфликтах [см.: Кармин]. Так, ученые отмечают различия стратегий поведения в конфликте в связи с гендером: маскулинные личности напористы, жестки, фемининные уступчивы, уклоняются от противостояния [см.: Воронцов].

В ходе исследования, проведенного нами в 2013 году, было обнаружено, что если рассматривать различия в выборе стратегий поведения при конфликте в любовной паре отдельно по полу и гендеру, эти различия оказываются разнородными, не поддающимися

выделению в четкие закономерности [см.: Меламед]. Очевидна необходимость рассмотреть специфику не полов или гендеров отдельно, а особенности групп, формирующихся с учетом обоих признаков.

Мы поставили перед собой цель изучить, какие стратегии разрешения конфликтов в партнерской паре являются наиболее популярными среди различных гендерно-половых групп.

В онлайн-опросе, сконструированном на основе предыдущего исследования (респондентам демонстрировалось три видеоролика с разными ситуациями конфликта в гетеросексуальной паре), приняло участие 137 респондентов, из них – 27 андрогинных женщин, 9 маскулинных женщин, 59 фемининных женщин, 17 андрогинных мужчин, 12 маскулинных мужчин, 13 фемининных мужчин.

При конфликте на основе ситуации профессиональных трудностей партнера выявлены следующие тенденции:

• наиболее популярной стратегией для партнерши среди всех подгрупп стала эмпатия, которая и является наиболее адекватной стратегией: важно показать партнеру свою готовность помочь, но не навязывать помощь;

• для партнера стратегия эмоциональной саморегуляции стала наиболее популярной среди андрогинных мужчин и женщин, а среди андрогинных мужчин также наиболее популярна стратегия работы над собой. Данные подгруппы демонстрируют склонность к рефлексивным, направленным на субъекта стратегиям. Стратегия работы над собой стала наиболее популярной среди маскулинных мужчин и женщин, что можно связать с их повышенной требовательностью к поведению мужчины (он не должен быть «тряпкой»). Стратегия третьего лишнего стала наиболее популярной среди маскулинных и фемининных женщин, а также фемининных мужчин. Таким образом, приписываемую в науке маскулинным мужчинам инструментальность продемонстрировали, наоборот, фемининные. Это можно связать с тем, какой образ настоящего мужчины существует в сознании фемининных субъектов и маскулинных женщин: образ человека, справляющегося со своими проблемами, а не отвлекающегося на разговоры. Для фемининных

мужчин также присуща стратегия угождения для партнера, что может отражать их бóльшую мягкость, ориентированность на менее агрессивные стратегии.

При конфликте в ситуации неуспешного поиска предмета партнером:

• для партнерши предпочитают стратегию эмпатии андрогинные мужчины и женщины, таким образом демонстрируя способность принимать партнера с его недостатками. Стратегию продолжения своей линии поведения партнершей наиболее часто выбирают маскулинные мужчины и женщины. Очевидно, они считают, что партнер ведет себя в данной ситуации вновь не совсем по-мужски, а значит, партнерша все делает верно. Стратегию третьего лишнего для партнерши выбирают маскулинные мужчины, а также вновь выбирают ее и все фемининные, снова демонстрируя склонность уходить от конфликта посредством переключения внимания на предметную деятельность (поведение, которое можно охарактеризовать принципом «лучше не ввязываться»);

• для партнера наиболее популярной среди обоих типов андрогинов, обоих типов фемининных, а также у маскулинных мужчин стала стратегия угождения. Действительно, эта стратегия в данной ситуации одна из благоприятных – быть благодарным партнерше или сделать так, чтобы ее не тревожить. Также стратегию эмоциональной саморегуляции предпочитают оба типа маскулинных, опять-таки, вероятно, делая акцент на не очень адекватном поведении партнера. Среди маскулинных мужчин, однако, равной популярностью пользуется стратегия влияния, что подтверждает сопернический стиль поведения в конфликте маскулинных мужчин.

При конфликте на основе ситуации мнимой измены партнера:

• андрогинные и фемининные женщины, а также маскулинные мужчины рекомендуют партнерше стратегию эмоциональной саморегуляции. Также стратегию угождения для партнерши предпочитают маскулинные женщины и фемининные мужчины. Стратегию эмпатии чаще всего предлагают все подгруппы мужчин. И это не случайно, ведь мужчины любого типа видят, что партнер на са-

мом деле не имел никаких дурных намерений, в отличие от женщин, которые ситуацию ревности и возможной измены партнера воспринимают острее. Интересна позиция андрогинных мужчин: они рекомендуют партнерше стратегию непрепятствования, чаще всех других подгрупп считая, что партнер может иногда и пофлиртовать с другой;

- все подгруппы проявили единодушие в отношении стратегии партнера, порекомендовав ему угодить партнерше, объяснив, что он любит ее. Действительно, дажс если ревность девушки – следствие ее мнительности, даже если эта ревность беспочвенна, успокоить партнершу можно, вероятно, лишь искренним, позитивно настроенным объяснением и признанием.

Таким образом, в каких-то случаях мы можем наблюдать сходство наиболее частотных выборов в рамках одного гендера, в каких-то – в рамках пола. С очевидностью можно заключить, что выбор стратегии поведения при конфликте в любовной паре той или иной гендерно-половой группой напрямую зависит от типа конфликтной ситуации.

Библиографические ссылки

Воронцов Д. В. Гендерная психология общения. Ростов н/Д, 2008.

Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений. СПб., 2009. (Сер. Мастера психологии).

Кармин А. С. Конфликтология / под ред. А. С. Кармина. СПб., 1999.

Меламед С. И. Различия в интерпретации предконфликтных коммуникативных ситуаций в любовной паре в связи с полом и гендером // Многомерность общества : социально-гуманитарные исследования повседневности : сб. материалов Первой выездной науч. конф. студентов ИСПН, 18–19 мая 2013 г. Екатеринбург, 2013. С. 77–86.

К. Н. Мелихова
Департамент психологии ИСПН УрФУ

АУТОМОРТАЛЬНАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ: ТЯЖКОЕ СТРАДАНИЕ ИЛИ ТАЙНЫЙ РЕСУРС?

Средства массовой информации заселяют наше сознание напоминаниями о смерти. Фильмы, книги, телепередачи демонстрируют изощренные убийства, тексты современной музыки (рок, рэп, металл) насыщены тематикой смерти и разрушения. Смертность в стране превышает рождаемость, и потому молодым чаще приходится жить в окружении старых людей, для которых тема смерти естественна и актуальна. Более всего аутомортальная тревожность повышается в новых социальных реалиях: человек живет в ситуации беззащитности перед угрозой терроризма. Внезапность терактов, например в Волгограде, неопределенность ситуации, небольшая вероятность предотвращения подобного вызывают у населения экзистенциальные страхи, снижают чувство безопасности.

Под аутомортальной тревожностью понимается форма отношения личности к неизбежной конечности своего существования, обусловленная осмыслением смерти как неопределенной, непредсказуемой и относительно отдаленной угрозы различным аспектам индивидуальной жизни [см.: Гаврилова]. Специфика данного понятия выражается в том, что речь идет об угрозе именно личному существованию, в отличие от понятия «страх смерти», которое обычно включает опасение за жизнь других людей или страх боли.

Принято думать, что осознание собственной смертности приводит к ощущению бессмысленности жизни и всего совершаемого в ней. Может возникнуть ощущение безысходности или, что еще хуже, появиться паническая атака. Однако на эту проблему имеется и другая точка зрения. Как писал Игорь Кон, осознание неизбежной конечности существования в подростковом возрасте ассоциируется с формированием личной идентичности [см.: Кон]. Принятие этой неизбежности заставляет человека всерьез задуматься о смысле жизни, о том, чем он хочет заниматься и чего хочет до-

биться. Человек становится субъектом. Как разрешить данный парадокс? Логически рассуждая, страх смерти должен блокировать побуждение к самоубийству, но, с другой стороны, он может и подталкивать к нему, как к способу избавиться от данного страха.

В связи с этим можно констатировать, что обсуждение тревог по поводу смерти оказывает иногда не столько психотравмирующее, сколько психотерапевтическое влияние. В свое время Г. Фейфель, изучая установки безнадежно больных людей на близость смерти, был удивлен тем, что большинство пациентов не продемонстрировали реакции избегания интервьюирования и охотно говорили о своих мыслях и чувствах по отношению к смерти. «Некоторые из них, – пишет автор, – даже благодарили людей, проводивших исследование, за то, что получили возможность высказать свои мысли о смерти» [Фейфель, с. 56].

Существует предположение, что страх смерти может служить инструментом воздействия на решения людей как в положительном, так и в отрицательном ключе. Подробнее эта тема раскрыта в экспериментах Джефа Гриберга и Тома Пищинского. Например, было доказано, что при актуализированном страхе смерти политические взгляды и религиозные установки становятся более консервативными [см.: Greenberg et al.]. Исследования такого типа были проведены в рамках теории управления ужасом, и эффекты, которые проявились, были названы защитными механизмами. При появлении в сознании мыслей о смерти, которые порождают «парализующий ужас», тут же начинают работать механизмы защиты – вытеснение из сознания и подавление неприемлемых для него мыслей и чувств.

Несмотря на множество направлений критики данной теории, научным сообществом отмечается новаторство экспериментальной методологии. Альтернативной точкой зрения является объяснение эффектов аутомортальной тревожности вследствие когнитивной нагрузки.

Так как аутомортальность неустранима, она может стать причиной постоянного стресса. Как же можно снизить такого рода пе-

реживания? По сведениям С. А. Поповой, стратегия объяснения смерти как естественного процесса является наиболее популярной и эффективной в совладании с аутомортальной тревожностью: «Понимаю, что это нормальное явление – ничто не вечно». Также популярной оказывается стратегия отодвигания смерти в далекое будущее («Думаю, что у меня еще вся жизнь впереди»), а эффективной стратегией признана стратегия игнорирования («У меня много дел, поэтому не до этих мыслей»). Малоэффективными стратегиями являются смирение («Это судьба») и протест («Меня бесит несправедливость судьбы и хочется делать все ей назло»).

Подводя итог, хотелось бы сказать, что обыденное отношение к страху смерти как к табуированной теме неэффективно и вредно. Обсуждение своих тревог, особенно в психотерапевтическом процессе, может являться ресурсом, в котором заключено большое количество энергии.

Библиографические ссылки

Гаврилова Т. А. Аутомортальная тревожность как субъектный феномен // Психол. журн. 2013. Т. 34, № 2. С. 99–107.

Кон И. С. Психология ранней юности. М., 1989.

Попова С. А. Стратегии совладания с аутомортальной тревожностью в аспекте их популярности и эффективности // Психология стресса и совладающего поведения. 2013. Т. 1. С. 115–118.

Фейфель Г. Смерть – релевантная переменная в психологии // Экзистенциальная психология. Экзистенция. М., 2001.

Greenberg J. et al. Proximal and distal defenses in response to reminders of one's mortality: evidence of a temporal sequence // Personality and social psychology Bulletin. 2000. Vol. 26. P. 91–99.

Е. С. Миронова
Кафедра психологии и педагогики ЧГУ

ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ ТРУДОУСТРОЙСТВА У СТУДЕНТОВ СТАРШИХ КУРСОВ

В настоящее время проблема формирования мотивации трудоустройства стоит достаточно остро. Процент выпускников вузов, устраивающихся на работу именно по той специальности, которую они выбрали, не так велик. Как показывают социологические исследования, по специальности обучения на первое место работы трудоустроился лишь каждый третий выпускник. И всего лишь каждый пятый выпускник находит ту профессию, которую он получил в учебном заведении.

Почти 45 % утверждают, что их место работы ни в коей мере не соответствует полученному диплому. Также отмечается тенденция к сокращению количества выпускников, чья первая работа в той или иной мере соответствует профессии, полученной в учебном заведении, – менее 50 % в обеих группах – как вузов, так и ссузов.

Помимо этого, сформированность адекватной мотивации трудоустройства также интересует и руководство вузов, так как дает важную информацию при оценке эффективности их работы.

В нашем исследовании мы поставили цель изучить особенности проявления мотивации трудоустройства у студентов четвертых и пятых курсов.

Нами выдвинута гипотеза, что существует связь мотивов выбора профессии с мотивами выбора места работы, а именно: внутренних мотивов выбора профессии с внутренними мотивами выбора места работы.

Для этого использовались следующие методики:

- «Мотивы выбора профессии» Р. В. Овчарова;
- разработанная нами анкета, изучающая мотивацию выбора работы по г. Череповцу.

В методике Р. В. Овчарова были выделены следующие типы мотивов:

1. Внутренние индивидуально значимые мотивы.
2. Внутренние социально значимые мотивы.
3. Внешние положительные мотивы.
4. Внешние отрицательные мотивы.

Так как в нашей гипотезе нам важны только внутренние мотивы выбора профессии, то мы будем учитывать только внутренние индивидуально значимые мотивы и внутренние социально значимые мотивы.

Нами было проведено пилотажное исследование, в котором приняли участие 55 студентов выпускных курсов. Мы получили данные, что 59 % опрошенных имеют внутренние мотивы выбора места работы, а именно: им важно то, чтобы работа была интересной. Причем 96 % из них имеют внутренние индивидуально и социально значимые мотивы и только 4 % – внешние положительные мотивы.

Таким образом, по результатам нашего исследования можно сделать вывод, что имеется непосредственная связь мотивов выбора профессии с мотивами выбора места работы.

При дальнейшем изучении этой проблемы мы планируем углубить анализ полученных данных. Кроме того, мы провели ряд дополнительных методик, не включив их в это исследование, поэтому имеется возможность расширить количество переменных исследования.

Н. В. Новосад
Департамент психологии ИСПН УрФУ

УПРАВЛЕНИЕ ФАНТАЗИЕЙ И ВООБРАЖЕНИЕМ

Воображение и фантазия – это виды мышления, умение мысленно представлять то, чего нет, из того, что есть в памяти. Иначе говоря, воображение – это активный творческий процесс создания

нового знания (новых идей) из старого знания. Если воображение – это умение мысленно создавать новые идеи и образы возможных и невозможных объектов на основе реальных знаний, то фантазия – создание тоже новых, но нереальных, сказочных, пока невозможных ситуаций и объектов, но также на основе реальных знаний.

Чем отличается фантазирование и воображение от серьезного решения задач? При фантазировании ребенок сам создает какой угодно сюжет, в том числе и сказочный, какую угодно ситуацию, какую угодно задачу и сам решает ее как угодно. Приемлемо любое решение. А при решении реальных задач ребенок ищет не любое, а реальное, «взрослое», серьезное, выполнимое решение. В обоих случаях он творит, но при фантазировании больше свободы, так как нет запретов со стороны физических законов и не требуется больших знаний. Вот почему лучше начинать развитие мышления детей с развития фантазии.

Детям думать «по законам» трудно, но если их научить фантазировать и не критиковать за это, то они фантазируют легко и с удовольствием, особенно если их еще и похвалить. Видимо, так дети подсознательно учатся думать – в игре. Этим надо воспользоваться и развивать воображение и фантазию с самого раннего детства. Пусть дети «изобретают свои велосипеды». Кто не изобретал велосипедов в детстве, тот вообще ничего не сможет изобрести.

А. С. Пулина
Кафедра психологии ИПиП САФУ

ВОСПРИЯТИЕ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ У ПОДРОСТКОВ

Межличностное общение является неотъемлемой частью нашей жизни. На протяжении всей жизни человек вступает в межличностное общение с большим количеством людей. Вступая в контакт, он оценивает каждого собеседника, в результате чего формируется определенное отношение к нему. Эффективность

общения чаще всего зависит от того, как мы изначально воспринимаем партнера по общению, от сформировавшегося первого впечатления и отношения к нему. Поэтому можно говорить, что восприятие человека человеком является одним из составляющих межличностного общения.

Так как в подростковом возрасте становится важным межличностное общение, а восприятие – одна из его составляющих, то данная тема остается актуальной до сих пор.

Межличностное общение – это осуществляемое с помощью средств речевого и неречевого воздействия взаимодействие между несколькими людьми, в результате которого возникает психологический контакт и определенные отношения между участниками общения [см.: Куницына, Кулагина].

В подростковом возрасте начинает преобладать интимно-личное общение со сверстниками, оно становится особым видом деятельности подростков [см.: Кущазли].

В связи с определением многие авторы характеризуют структуру общения, выделяя в нем три взаимосвязанных стороны:

- коммуникативную сторону общения, или коммуникацию в узком смысле слова, которая состоит в обмене информацией между общающимися индивидами;
- интерактивную сторону, которая заключается в организации взаимодействия между общающимися индивидами, т. е. в обмене не только знаниями, идеями, но и действиями;
- перцептивную сторону общения, которая означает процесс восприятия и познания друг друга партнерами по общению и установления на этой основе взаимопонимания [см.: Андреева, 2000; Кущазли].

В своей работе мы рассматривали перцептивную сторону восприятия.

Восприятие – это восприятие внешних признаков другого, соотнесение их с личностными характеристиками воспринимаемого индивида и интерпретация на этой основе его поступков [см.: Андреева, 1994].

В связи с этим многие авторы выделяют такие механизмы межличностного восприятия, как идентификация, эмпатия, рефлексия, аттракция [см.: Андреева, 1994; Реан].

Библиографические ссылки

Андреева Г. М. Психология социального познания. М., 2000.

Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1994.

Куницына В. П., Кулагина Н. В. Межличностное общение : учебник для вузов. СПб., 2001.

Кущазли М. И. Особенности формирования личности в подростковом возрасте // Педагогика, педагогическая психология и образование : современные тенденции и эволюционный опыт развития. Киров, 2013. С. 50–52.

Реан А. А. Психология человека от рождения до смерти // Психологичекий атлас человека. М., 2010.

С. А. Свердлов
Департамент психологии ИСПН УрФУ

МОТИВАЦИЯ В ПЛАТНОМ ДОНОРСТВЕ И СОПУТСТВУЮЩИЕ ОПАСНОСТИ

Донорство крови в современном мире стало не только неотъемлемой частью системы медицины, но и заняло свое место в культуре. Существует множество граней, которые характеризуют донора: стиль жизни, состояние здоровья, особые психологические характеристики. В статье будет рассматриваться мотивационная сторона донорства, точнее, одна из проблем, связанная с ней, – проблема мотивации в платном донорстве.

Отчетливо ясно, что у группы платных доноров появляется дополнительная мотивация получения прибыли, которая может способствовать сокрытию информации о возможном хроническом или временном заболевании донора, недавнем контакте с инфицированными людьми или выезде в регион возможной пандемии, а также о других противопоказаниях, указанных в соответствующем

перечне отвода от донорства. Данный факт, разумеется, оказывает влияние на частоту нахождения непригодной для переливания крови, а также может создать ситуацию риска для самого донора при утаивании фактов, влияющих на его текущее состояние здоровья ввиду возможных осложнений в процессе донации.

Однако у доноров, регулярно сдающих кровь в платном порядке, можно заметить и обратную тенденцию – снижение количества случаев сдачи непригодной крови, ведь такие доноры из-за той же самой дополнительной мотивации к периодическому получению финансовых средств (разумеется, не исключая и желание оказать помощь реципиенту) начинают больше заботиться о своем здоровье. Соответственно повышается и качество получаемой от них крови. В исследовании Стросса [см.: Strauss et al., 1994; Strauss, 2001] шло сравнение группы «платных» и «бесплатных» доноров на предмет процента непригодной для донации крови и ее компонентов в общей массе сданной.

Особенность «платной» донации заключалась в том, что доноры могли получить вознаграждение только в случае, если раньше уже регулярно и безвозмездно сдавали кровь. Результаты показали, что у группы доноров без финансового вознаграждения маркер инфекционных болезней был положительным в 0,15 % случаев, по сравнению с 0,017 % в группе регулярных доноров. Невозможность получения денег сразу после кроводачи и фактор предварительного отсеивания нездоровых доноров позволяют значительно увеличить результирующее процентное качество поступающей в больницы донорской крови.

Однако для более детального изучения мотивационных факторов донорства следует обращать внимание не только на общий процент сдачи качественной крови.

Исходя из данных исследования, проведенного в клинике Мангейма в 2006 году [см.: Niessen-Ruenzi et al.], можно выделить несколько важных факторов изменения числа новых и регулярных доноров в ситуации наличия или отсутствия денежной дотации. При отсутствии денежной дотации количество новых доноров меньше, чем при ее наличии, а отрезок времени между повторными

кроводачами больше. Также среди новых доноров выделяется больший процент доноров с единичным случаем кроводачи. Причем происходит всплеск именно их числа сразу после отмены финансового вознаграждения (очевидно, ввиду желания оказать полностью безвозмездную помощь), хотя общая тенденция количества кроводач уменьшается. Из этого можно сделать несколько выводов.

Во-первых, становится видно, что финансовый фактор является важным в стабилизации регулярного донорства, а как уже было сказано ранее, регулярное донорство имеет несколько важных преимуществ перед донорством нерегулярным, в дополнение к очевидному фактору частоты сдаваемой крови.

Во-вторых, понятен сам по себе факт того, что количество доноров уменьшается в связи с отменой денежной дотации. Можно подумать, что в связи с этим произойдет и резкое уменьшение случаев отбраковывания донорской крови по причине отсутствия дополнительного мотивирующего фактора дотации. Однако то же исследование, проведенное в Мангейме, доказывает, что снижение дотации за кроводачу не приводит к статистически существенному процентному улучшению качества сдаваемой крови по сравнению с обычной ситуацией. И это объясняется не только тем, что больший процент людей, которые приходят сдавать кровь (да и людей в целом), все же не страдают заболеваниями, которые могут быть причиной отвода от донорства, но и мотивационной стороной денежной дотации. Финансовое вознаграждение является дополнительным мотивирующим аспектом для принятия человеком решения сдать кровь, пойти сдать кровь один раз или делать это на регулярной основе.

Тем не менее, хотя наличие платного донорства сегодня обладает явными преимуществами, не стоит забывать, что донорство – это, в первую очередь, добровольный акт, направленный на спасение жизни и сохранение здоровья другого человека. По данным Всемирной организации здравоохранения, в 62 странах уже существует полностью добровольное и безвозмездное донорство, а к 2020 году планируется 100 %-ное получение запасов крови от добровольных безвозмездных доноров во всех странах.

Главное – помнить, что слово «донор» происходит именно от латинского слова *donare*, означающего «дарить». И быть донором – значит, дарить жизнь.

Библиографические ссылки

Niessen-Ruenzi M., Weber David M. B. To pay or not to pay // Evidence from whole blood donations in Germany. Mannhein, 2014.

Strauss R. G., Ludwig G. A., Smith P. J. et al. Concurrent comparison of the safety of paid cytapheresis and volunteer whole blood donors. Transfusion, 1994.

Strauss R. G. Blood donations, safety and incentives. Transfusion, 2001.

А. В. Старкова
Департамент психологии ИСПН УрФУ

ДИНАМИКА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С СДВГ В ТЕЧЕНИЕ УЧЕБНОГО ДНЯ

По оценкам специалистов Института возрастной физиологии РАО в 2012 году в России насчитывалось до 1 млн детей с синдромом дефицита внимания с гиперактивностью (СДВГ). При этом мальчиков с этим диагнозом в 9 раз больше, чем девочек [см.: Заваденко и др.]. Существует три подхода к вопросу о СДВГ:

1. *Психофизиологический.* В рамках этого подхода представлены симптомы СДВГ: невнимательность, гиперактивность, импульсивность. Психофизическая структура интеллекта детей 6–7 лет с СДВГ характеризуется более низким уровнем взаимосвязи вербального и невербального компонентов и недостаточным уровнем сформированности зрительно-пространственного восприятия, произвольной организации и регуляции деятельности [см.: Безруких].

2. *Нейропсихологический.* При этом подходе СДВГ можно рассматривать как нарушение психической деятельности и поведения, при котором отмечается дисфункция прежде всего первого (лимби-

ческая система и ретикулярная формация) и третьего функциональных блоков [см.: Хомская]. Наиболее характерными особенностями детей с СДВГ являются инфантилизм, расторможенность влечений, отсутствие сдерживающих начал поведения и чувства вины, а также переживаний в связи с этим; выражение агрессивности при выполнении заданий, нарушения в деятельности ребенка при эмоциональной активации; нарушение избирательности, неустойчивость, отвлекаемость, трудности концентрации, нарушение объема внимания и проблема его переключения [см.: Заваденко и др.].

3. *Медицинский.* При описании симптомов СДВГ в МКБ-10 (Международная классификация болезней 10 пересмотра) выделяются 3 составляющие синдрома: невнимательность, гиперактивность и импульсивность. МКБ-10 требует присутствия гиперактивности (как минимум, 3 признака из 5 предлагаемых), импульсивности (не менее одного). Критерии МКБ-10 предполагают обязательное присутствие всех вышеперечисленных критериев.

Целью нашего исследования является изучение динамики функциональных состояний младших школьников с СДВГ в течение учебного дня.

Выборка. В феврале 2013 года было проведено исследование в лицее № 110 Екатеринбурга, во 2-м классе (возраст детей 7–8 лет), состоящем из 26 человек, 8 из которых проявляют признаки СДВГ: 6 мальчиков (2 из них имеют медицинский диагноз) и 2 девочки. В контрольной группе было 6 мальчиков и 2 девочки без признаков СДВГ.

Методика. Тест-опросник на выявления СДВГ у детей (в рамках психофизиологического подхода [см.: Безруких]), цветовой тест Люшера [см.: Базыма] и дневник наблюдений за поведением ребенка на уроке и на перемене. Исследование проводилось в начале и в конце учебного дня.

Результаты. По тесту-опроснику на выявление СДВГ определили детей, с которыми необходимо работать. По данным дневника наблюдений: у всех детей с СДВГ в классе проявляются, как минимум, 4 симптома невнимательности, 4 гиперактивности и 2 импульсивности. Чаще всего проявлялись следующие симптомы: *не-*

достаточно внимателен, трудности удержания внимания и трудности организации выполнения задания, чрезмерно разговорчив, выпаливает ответы. Некоторые танцевали и не могли усидеть долго на одном месте. Активно поднимали руку, чтобы ответить на вопрос учителя, но при этом не знали точного ответа. На уроке физкультуры были самыми активными. Неуловимые и шумные на перемене. Полученные нами данные представлены в следующей таблице:

Результаты цветового теста Люшера

	Начало занятий	Конец занятий
Дети с СДВГ	1. Актнвиое стремлеиие к деятельности и успеху. 2. Отрнцанне каких-либо ограннчений, стремлеиие уйти из подчинения. 3. Ощущение завнснмости от среды н желание автономиости и самостоятельности	1. Активиое стремленне к успеху, возбужденне и фантазнрование, стремленне к яркнм событиям. 2. Тревожность по поводу неудовлетвореииой потребности в спокойствнн и чувственой гармоиии
Контрольиая группа	1. Тревожиость по поводу своих потребностей в перспективе, иадеждах иа лучшее, мечтах; стремлеиие к признанню. 2. Стремлеине уйти нз подчииеиия и негативиое отношение к запретам. 3. Неудовлетворенная потребность в спокойствнн. 4. Насторожеиность н подозрительиость	1. Стремлеиие к позитнвиому эмоцноиальиому состоянню. 2. Сильное напряжеине и потребность во вннмании. 3. Стремленне уйти нз неблагоприятной ситуацнн. 4. Тревожность компеисирует-ся удовлетвореииой потребностью в спокойствнн

По данным таблицы можно сделать выводы:

• У гиперактивных детей в конце дня возрастает желание активно действовать, позитивное настроение и стремление к работе, в отличие от детей без отклонений.

• Переживания гиперактивных детей связаны в основном с неудовлетворенными потребностями в активных действиях, а у детей

без СДВГ переживания связаны с неудовлетворенной потребностью в спокойствии. Под конец дня у детей с СДВГ тоже появляется потребность в спокойствии.

• У всех детей есть стремление выйти из подчинения, особенно в начале дня.

Итак, в конце своего исследования хотелось бы заметить, что у детей с СДВГ в данном классе проявляются почти все признаки синдрома, указанные выше в трех различных подходах. Более того, работоспособность и энергичность остаются у таких детей на среднем или высоком уровне и в конце учебного дня, в то время как у детей с нормой уровень работоспособности снижается. К концу дня проявляются тревожные состояния: у детей без синдрома больше проявлений функциональных состояний, а у детей с синдромом – меньше. По-видимому, таким детям труднее дается это из-за активности.

Библиографические ссылки

Базыма Б. А. Цветовой тест Макса Люшера [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pfmetod.narod.ru/Praktikum/lusher.htm (дата обращения: 02.03.2013).

Безруких М. М. Дети с СДВГ. Причины, диагностика, комплексная помощь. М., 2009.

Заваденко Н. Н., *Петрухин А. С.*, *Суворинова Н. Ю.* и др. Современные подходы к диагностике и лечению минимальных мозговых дисфункций у детей : метод. рекомендации. М., 2001.

Заваденко Н. Н., *Суворинова Н. Ю.*, *Румянцева М. В.* Гиперактивность с дефицитом внимания: факторы риска, возрастная динамика, особенности диагностики // Дефектология : науч.-метод. журн. / ред. Н. Н. Малофеев, А. Б. Меньков. 2003. № 6.

Хомская Е. Д. Нейропсихология : учебник для вузов. СПб., 2003.

М. А. Стретович
Департамент психологии ИСПН УрФУ

ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА «ОТНОШЕНИЕ К ВНЕШНОСТИ» В ПСИХОЛОГИИ

Долгое время физическому «Я» в психологии уделялось мало внимания. С. Фишер видел причину этого в общей тенденции неприятия биологически ориентированных теорий поведения и обращения к исследованию духовного «Я», которое позволяло в определенной степени гуманизировать образ человека [см.: Соколова].

Одними из первых, кто осознал, что тело и отношение к нему оказывают значительное влияние на психическую жизнь людей, были клинические психологи, которые в начале XX века проявили интерес к феномену «фантомных болей». С этого момента в течение достаточно продолжительного времени исследования телесного образа были сосредоточены именно в клинической психологии, в фокусе внимания ученых находились нарушения пищевого поведения у молодых женщин [см.: Рамси, Харкорт]. Примерно к середине XX века социальные психологи осознали, что отношение к своему телу и внешности участвует и в социально-психологических процесссах, в первую очередь, в процессе социальной перцепции.

С тех пор исследование отношения к своей внешности и телу сосредоточено в основном в социальной и клинической психологии. В рамках первой ученые изучают влияние внешнего облика индивида на его восприятие другими людьми. В отечественной психологии эти исследования представлены в работах В. Лабунской, Е. Белугиной, В. Панферова и др., в зарубежной – в работах Дж. Ланглуа, Н. Рамси, А. Фейнголда и т. д.

Второе направление исследований связано с изучением нарушений телесного образа, пищевого поведения, обеспокоенностью своим весом и общей неудовлетворенностью внешностью как у женщин, так и, в последние годы, у мужчин. Показательным в данной

области является проведенный Т. Кэшем в 90-х годах XX века социологический опрос американских женщин на предмет их отношения к своей внешности, согласно результатам которого только 7 % женщин выразили незначительную озабоченность своим внешним видом. Остальные 93 % респондентов выразили неудовлетворенность своей внешностью в гораздо большей степени. В связи с этим Дж. Родин с коллегами предложили ввести в употребление термин «нормативная неудовлетворенность», который описывает состояние масштабной неудовлетворенности своей внешностью среди женщин (более 68 %) [см.: Рамси, Харкорт].

Последствия этой неудовлетворенности можно представить в виде континуума, на одном полюсе которого – незначительные колебания настроения, на другом – серьезные патологии, такие как нарушения пищевого поведения, зависимости, депрессии, вплоть до суицидального поведения. При этом уровень дистресса людей с видимыми отличиями, вызванный их серьезными физическими недостатками (такими, как расщелина губы, шрамы от ожогов, последствия лечения рака и др.), сравним с уровнем дистресса, связанного с дисфункциональным отношением к внешности у людей без видимых отличий [см.: Там же].

Рост процента неудовлетворенных своей внешностью людей в совокупности с патологическими последствиями негативного отношения к ней, безусловно, вызывает беспокойство как у теоретиков, так и у практических психологов, которые работают непосредственно с «жертвами» пагубного влияния дисфункционального отношения к внешности на их психическое здоровье. Но даже если не брать во внимание столь плачевные результаты, ученые признают, что восприятие телесной внешности и отношение к ней оказывают значительное влияние на эмоциональную и межличностную сферы жизни человека и в целом задают динамику протекания объективных жизненных процессов [см.: Карабина]. Внешность является постоянным предметом наших собственных оценок и оценок окружающих, поэтому отношение к ней часто становится регулятором эмоционального состояния, поведения и в целом влияет на развитие и функционирование личности в социуме

[см.: Черкашина]. В связи с этим особую популярность в последние годы приобрели исследования отношения к внешности у здоровых людей (без видимых отличий).

В целом можно выделить два наиболее популярных направления исследований рассматриваемого феномена: взаимосвязь значимости внешности (в структуре ценностей индивида) и удовлетворенности внешностью (самооценки) с различными переменными Я-концепции и личностными особенностями людей без видимых отличий (в основном женщин). Результаты первого направления показывают, что уровень субъективной значимости внешности коррелирует со степенью адаптации людей с видимыми внешними дефекатами (Т. Мосс и Т. Карр), низкой самооценкой (К. Лиосси, С. Хартер), уровнем депрессии (С. Хартер) и тревожности (Н. Семечкин).

Результатами исследований второго направления стали подтвержденные значимые корреляции удовлетворенности внешностью и удовлетворенности жизнью, ощущением счастья (Р. Бернс), степенью личностной защищенности (Уэйнберг), успешностью самореализации (Л. Сион), уровнем личностной депрессии (Марселла) [см.: Соколова] и т. д. Но наиболее часто встречаемый результат – это взаимосвязь отношения к внешности и глобальной самооценки (С. Журард и Р. Секорд, Р. Бернс, А. Дорожевец, Е. Соколова и др.).

Несмотря на то, что данная корреляции была многократно подтверждена, в рассматриваемой связи всякий раз участвовали одномерные компоненты – самооценка как одномерное отношение к себе и удовлетворенность внешностью как одномерное отношение к своему внешнему виду. Поэтому задачей нашего исследования стало нахождение характера связи различных компонентов самоотношения с различными компонентами отношения к внешности как связи между сложными, неодномерными конструктами.

Первый конструкт мы рассматриваем в рамках концепции В. В. Столина и С. Р. Пантелеева как многомерное образование, составляющие которого выстроены в динамическую иерархию, на вершине которой находится смысловой компонент, определяющий особенности глобального самоотношения. Второй конструкт

представляет собой, согласно концепции О. А. Скугаревского, оценочный компонент образа тела, который находит свое выражение в удовлетворенности телом и его отдельными характеристиками и значимости отдельных телесных характеристик и внешности в целом (в структуре ценностей индивида).

Результаты пилотажного исследования, проведенного нами на выборке, состоящей из женщин в возрасте от 23 до 46 лет, занимающихся управленческой деятельностью, показали, что различные компоненты отношения к внешности взаимосвязаны с ядерными (находящимися на вершине иерархии) подструктурами самоотношения: самоуважением (в большей степени) и аутосимпатией (в меньшей). Причем среди молодых женщин с самоуважением и аутосимпатией коррелирует более простой компонент рассматриваемого феномена – удовлетворенность телом и его отдельными характеристиками, а среди женщин более старшего возраста – удовлетворенность внешностью как компонентом образа тела (которая отличается тем, что в ней учитываются представления человека об отношении окружающих к его внешности, а также комплекс когнитивных и поведенческих реакций, опосредованных внешностью). Данные результаты требует дальнейшего осмысления и подтверждения на более широких выборках.

Таким образом, природа рассматриваемого феномена до сих пор во многом остается загадкой. В связи с этим, на наш взгляд, любое грамотное психологическое исследование отношения к внешности может внести ясность в понимание природы данного феномена и помочь практикующим психологам в работе как с людьми с видимыми отличиями, так и со здоровыми людьми, которые серьезно озабочены своим внешним видом.

Библиографические ссылки

Карабина Ю. С. Эталон физической привлекательности как социокультурный фактор образа телесного Я у женщин // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. 2010. Т. 16. С. 144–148.

Рамси Н., Харкорт Д. Психология внешности. СПб., 2009.

Соколова Е. Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М., 1989.

Черкашина А. Г. Методика исследования самоотношения к образу физического Я // Вестн. СГА. 2008. Т. 2 (4). С. 71–89. (Сер. Психология).

П. М. Тестоедова, К. В. Черных
Кафедра практической психологии ВятГГУ

БАЗИСНЫЕ ЦЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ

В наши дни проблема ценностей приобрела особую остроту. Многие исследователи отмечают утрату в обществе традиционных ценностей. Личность сегодня теряет «жизненно необходимые нравственные ориентиры», – считает М. И. Воловикова [Воловикова, с. 33]. По ее мнению, «слабая работа над осмыслением норм и правил поведения – одна из самых болезненных проблем нашего общества» [Там же, с. 47].

Опросы демонстрируют снижение удельного веса граждан, для которых приоритетными ценностями являются честность, порядочность, трудолюбие [см.: Юревич, Ушаков, с. 183]. Не являются признанными ценностями патриотизм, законопослушание. Некоторые современные школьники и молодые люди не знают значения слов «порядочность», «нравственность». Во все сферы российского общества проникают элементы криминальной субкультуры, особенно это заметно в художественных фильмах и сериалах.

А. В. Юревич и В. Д. Ушаков говорят даже о комплексной и системной морально-нравственной деградации нашего общества [см.: Там же, с. 189]. Получило распространение мнение о том, что в обществе наблюдается разрыв в ценностях поколений.

Целью нашего исследования является изучение базисных ценностей поколений. В качестве теоретико-методологической основы исследования выступила теория индивидуальных базисных ценностей Ш. Шварца. Данная теория – одна из самых востребованных в современной психологии, а Ш. Шварц – один из ведущих исследователей ценностей.

Кратко представим некоторые положения теории Ш. Шварца. Он утверждает, что, несмотря на большое число определений понятия «ценность», почти все определения обладают пятью общими чертам [Schwartz, 1992; 2006]:

1. Ценности – это убеждения (мнения). Но они не объективные, холодные идеи. Наоборот, когда ценности активируются, они смешиваются с чувствами и окрашиваются ими.

2. Они обозначают желаемые человеком цели (например, равенство) и образ поведения, который способствует достижению этих целей (например, честность, склонность к помощи).

3. Ценности не ограничены определенными действиями и ситуациями. Послушание, например, относится к работе или учебе в школе, спорту или бизнесу, семье, друзьям или посторонним людям.

4. Они выступают как стандарты, которые руководят выбором или оценкой поступков, людей, событий.

5. Ценности упорядочены по важности относительно друг друга. Упорядоченный набор ценностей формирует систему ценностных приоритетов. Разные культуры и личности могут быть охарактеризованы системой их ценностных приоритетов.

Шварц дает следующее определение понятию «ценность» – это трансситуационные цели, различные по важности, которые служат как руководящие принципы в жизни личности и группы.

Изначально теория Ш. Шварца базировалась на убеждении о десяти базовых индивидуальных ценностях, но впоследствии он разработал теорию с девятнадцатью основными базовыми ценностями. Ш. Шварц постулировал, что все индивидуальные ценности основываются на базовых условиях человеческого существования (одном или более): 1) потребностях организма; 2) стремлении к социальным взаимодействиям; 3) потребности в принадлежности к группе.

Девятнадцать ценностей основываются на этих условиях и соответствуют функциональным требованиям, выработанным Ш. Шварцем [Schwartz, 1992; 2006] для базовых ценностей. Они фокусируются:

1. На личной или социальной выгоде от результата.

2. Росте и саморазвитии или избегании, тревожности и защите.

3. Открытости к изменениям или сохранении статус-кво.

4. Направленности на собственное благо или благо других.

Ш. Шварц полагает, что увеличивая число различаемых ценностей до девятнадцати, можно определить каждую из них более точно. Таким образом, более детальное разбиение континуума сохраняет полноту охвата мотивационных целей, которые его образуют.

Эмпирическое исследование

Цель: выявление и сравнительный анализ базисных ценностей поколений.

Гипотеза: базисные ценности поколений имеют как сходство, так и различия.

Эмпирическое исследование проводилось в октябре – декабре 2012 года. В исследовании приняли участие 292 человека в возрасте от 20 до 70 лет, среди них 147 мужчин и 145 женщин различных профессий, проживающих в городах Кировской области и некоторых соседних областей.

Диагностика ценностных ориентаций осуществлялась с помощью опросника индивидуальных ценностей PVQ-R2R Ш. Шварца.

Исследование проводилось в индивидуальной и групповой формах в бланковом варианте, в соответствии с инструкцией по использованию методики. В каждом возрастном диапазоне были выделены доминирующие базисные ценности.

В результате нашего исследования общей для всех поколений ценностью является ценность благожелательности. Ценности любви, доброты, милосердия, гуманности, справедливости – это универсальные нравственные ценности, которые разделяются, как мы могли убедиться, и нашими респондентами.

Для 20–29-летнего возраста наряду с ценностью благожелательности значимой становится ценность самостоятельности. Это вполне согласуется с особенностями данного возрастного этапа, его задачами. Согласно принятым периодизациям возраст от 20 до 29 лет является началом взрослой жизни. На данном этапе человек становится более ответственным, осознает социальную значимость

взрослости и самостоятельности. Зачастую в этом возрасте молодые люди и девушки вступают в брак и создают семьи, начинают активную профессиональную трудовую деятельность. Безусловно, эти события оказывают значительное влияние на ценностную сферу.

30-летние мужчины и женщины сохраняют приоритетные ценности предыдущего возрастного этапа (благожелательность, самостоятельность). Но при этом в числе приоритетных ценностей появляется потребность в создании и поддержании репутации. На данном этапе осуществляются активная трудовая деятельность, построение карьеры. Все это и формирует потребность в репутации. Мужчины и женщины 30-летнего возраста удовлетворяют эту потребность через повышение социального статуса, расширение деловых контактов, известность в определенных кругах и т. д.

В 40-летнем возрасте, как и на предыдущих возрастных периодах, сохраняется ценность благожелательности. Наряду с этой ценностью на первый план выходит также потребность в личной безопасности.

Это, на наш взгляд, обусловлено:

• во-первых, результатом переживания так называемого кризиса среднего возраста;

• во-вторых, стремлением к стабильности в семейных и профессиональных сферах жизни.

Наряду с ценностью личной безопасности формируется ценность общественной безопасности. Это соответствует особенностям возраста, который занимает срединное положение между другими поколениями и принимает на себя ответственность как за молодых, так и за пожилых. Отсюда ценность стабильности государства и общества в целом.

Что касается возраста от 50 до 59 лет, то данные ценности вполне соответствуют задачам второго периода зрелости. Согласно Э. Эриксону в данном периоде человек развивается через воспитание и заботу о новом поколении, что можно обозначить как общечеловечность. Стоит отметить то, что такая ценность, как «репутация»,

безусловно, важна в данном возрасте – по словам одного из респондентов: «Сейчас перенести унижение намного тяжелее, чем в юности».

В пожилом возрасте все также лидирует ценность благожелательности. Важной для пожилых людей остается общественная безопасность. Пожилые люди также ценят свою репутацию и особое значение придают личной безопасности.

Заключение

Проанализировав базисные ценности представителей различных поколений, мы выявили, что на каждом возрастном этапе на лидирующих позициях находится ценность благожелательности. Этот факт не может оставаться без внимания, он дает повод предположить, что благожелательность и забота остаются приоритетными ценностями в обществе. И, возможно, положение о комплексной и системной морально-нравственной деградации нашего общества нельзя распространить на все слои общества.

Разрыва в ценностях благожелательности и заботы у поколений не наблюдается, что также подтверждается статистическим анализом с помощью критерия *U* Манна – Уитни.

Также значимой для всех поколений является ценность репутации – в каждом возрасте поддержание своего имиджа занимает одно из лидирующих позиций.

Наибольшие различия выявились в ценностях власти, достижения, гедонизма, стимуляции. В каждом возрастном этапе существует определенное отношение к данным ценностям. Например, если в 20-летнем возрасте отношение к власти больше негативное, то уже в 30-летнем возрасте значимость этой ценности возрастает.

Библиографические ссылки

Абраменкова В. В. Духовно-нравственное развитие современного ребенка в различных общественных и социальных группах // Научно-практическая конференция «Покровские чтения». 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://www.pokrov-forum.ru/action/scien_pract_conf/pokrov_reading/sbornik_2005-2006/txt/abramenkova.php

Воловикова М. И. Духовно-нравственная регуляция социального поведения личности // Психология нравственности / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М., 2010. С. 29–51.

Юревич А. В., Ушаков Д. В. Нравственное состояние современного российского общества // Психология нравственности / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М., 2010. С. 177–208.

Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values : Theory and empirical tests in 20 countries // Advances in experimental social psychology / ed. M. Zanna. N. Y., 1992. Vol. 25. P. 1–65.

Schwartz S. H. Value orientations: Measurement, antecedents and consequences across nations // Measuring attitudes cross-nationally – lessons from the European Social Survey / ed. R. Jowell, C. Roberts, R. Fitzgerald, & G. Eva . L., 2006.

Д. И. Ширяев
Департамент психологии ИСПН УрФУ

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ В СИТУАЦИИ РЕШЕНИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ И ВЕРБАЛЬНЫХ ЗАДАЧ: ПЛАН ИССЛЕДОВАНИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Изучение «магии творчества», по меткому выражению Н. П. Бехтеревой, часто становилось объектом многих психологических исследований [см.: Бехтерева]. Интерес к нейрофизиологическим механизмам креативности особенно возрос во второй половине XX века. Именно тогда после открытия связи между психическими процессами и мозговой организацией и начала переживать подъем когнитивная наука [см.: Свидерская и др.]. В современной нейронауке активно исследуется проблема нейрофизиологических коррелятов креативности [см.: Айдаркин; Базанова и др.; Бехтерева; Захарченко и др.; Разумникова и др.; Солсо].

Несмотря на всю активность изучения творчества, профессор Р. Солсо – один из самых известных специалистов в области когнитивной психологии – в своем труде «Когнитивная психология»

отмечает: «По иронии судьбы, за последние 20 лет не возникло ни одной крупной теории, которая смогла бы объединить разрозненные и иногда противоречивые результаты исследования творчества» [Солсо, с. 507].

Арне Диетрич (Arne Dietrich) и Риам Кансо (Riam Kanso) пишут о том, что за последние 50 лет экспериментальное исследование креативности не развивалось. Причину этого они видят в сложности воспроизведения творческого процесса в лабораторных условиях. Авторы отмечают, что если для исследования других высших психических функций ЭЭГ используется уже несколько десятилетий, то для изучения нейрофизиологических аспектов творчества этот метод начали активно применять только в конце 1990-х годов [см.: Dietrich, Kanso].

Обобщая исследования, проводившиеся с тех пор, Диетрич и Кансо приходят к выводу, что работы, направленные на определение особенностей электрической активности головного мозга в творческом процессе, «приводят к очень пестрым результатам». Похожего мнения придерживается и И. А. Денисова [см.: Денисова]. Проводимые исследования очень сложно сравнивать в силу того, что все авторы используют разные методики изучения, в том числе и оригинальные, данные о валидизации и стандартизации которых отсутствуют. Диетрич и Кансо отмечают три основных аспекта в изучении психофизиологических особенностей творческого (дивергентного) мышления.

Первый аспект изучения – это особенности латерализации. И тут такие исследователи, как A. Fink, C. Martindale, О. М. Разумникова [см.: Fink et al.; Martindale et al.; Razumnikova] утверждают, что процесс творчества – это прерогатива правого полушария. Но эти данные полного подтверждения в ЭЭГ-исследованиях пока не имеют.

Второй – особенности активации коры мозга в альфа-диапазоне при творческом мышлении. Некоторые авторы отмечают рост синхронизации альфа-активности [см.: Fink et al.], другие же, наоборот, уменьшение ее [см.: Разумникова]. Тот же плюрализм взглядов наблюдается и в отношении альфа-активности во фронтальной зоне.

Третий аспект – это связывание творческого мышления с активацией мозговых структур в других диапазонах частот. И тут наблюдается похожая тенденция: противоречивость в результатах исследований. Так, если одни авторы утверждают, что при творческом процессе мощность бета-активности во всех зонах коры уменьшается [см.: Shemyakina et al.], то другие в это же время утверждают обратное [см.: Dietrich, Kanso].

Что же касается работ по изучению особенностей активации коры головного мозга при творческом мышлении в других частотных диапазонах, то таких работ мало, а для гамма-активности они и вовсе отсутствуют [см.: Ibid]. Тем не менее все вышеперечисленные изыскания не исключают наличия ценных сведений в исследованиях по данной проблематике.

Так, Д. В. Захарченко и Н. Е. Свидерская изучали функциональную асимметрию головного мозга испытуемых во время выполнения ими теста диагностики креативности Е. Торренса (точнее, одного субтеста из его невербальной части) [см.: Захарченко и др.]. Исследователи отмечают, что различия в активации коры у высококреативных и низкокреативных испытуемых ярко выражено уже на этапе регистрации фоновых ЭЭГ с закрытыми глазами. Так, у испытуемых с высоким уровнем образной креативности очаги повышенной пространственной синхронизации биопотенциалов проявляются по диагонали правая передняя – левая задняя область полушарий [см.: Денисова]. Подобные данные представлены и в работе Н. Е. Свидерской, Т. Н. Дащинской и Г. В. Таратыновой, где они приходят к выводу, что: «При функциональном состоянии мозга, способствующем активации творческой активности, в фоновых ЭЭГ у человека (закрытые глаза) достоверно усилена пространственная синхронизация потенциалов коры головного мозга в направлении передние области правого – задние левого полушария» [см.: Свидерская и др.].

И. А. Денисова исследовала активацию зон коры при невербальном творчестве композиторов. Она предположила, что во время сочинения композиторами музыки (невербальном творчестве) задействованы другие зоны мозга, нежели чем при восприятии

и воспроизведении теми же людьми музыки. В результате после сравнительного анализа спектральной мощности ЭЭГ в процессе сочинения музыки и в процессе ее восприятия и воспроизведения автор приходит к тому, что в процесс сочинения музыки включены оба полушария и что особую роль при этом играют фронтальная, темпоральная и окципитальная области коры. Так, например, она отмечает, что во время сочинения печальной музыки ЭЭГ-активация в альфа-диапазоне наблюдалась во фронтальных и заднетемпоральных областях. Также она отмечает возрастание активности бета-1, бета-2 в префронтальной области правого и окципитальной левого полушарий [см.: Денисова].

В работе «Особенности пространственной организации ЭЭГ и психофизиологических характеристик человека при дивергентном и конвергентном типах мышления» Н. Е. Свидерская исследовала ЭЭГ-корреляты дивергентного и конвергентного мышления на невербальном и вербальном уровнях [см.: Свидерская]. Она предлагала испытуемым выполнить четыре теста на невербально-дивергентное (НД), невербально-конвергентное (НК), вербально-дивергентное (ВД) и вербально-конвергентное (ВК) мышления (Н. Е. Свидерская поясняет, что, по Дж. Гилфорду, именно НД-мышление играет основную роль в образном творческом процессе, а НК-, наоборот, противоположно по эффективности при решении творческих заданий). В итоге в числе прочего Н. Е. Свидерская указывает, что топографически на нейрофизиологическом уровне пространственная синхронизация коры при выполнении тестов на НД- и НК-мышление разнится и что при выполнении теста на НД-мышление показатель ПС увеличивается в передних областях правого и задних областях левого полушарий. В случае же ВД- и ВК-мышления различия между этими типами, как отмечает автор, выражены слабее. А вот ПС повышена при ВД-мышлении в передних областях левого полушария [см.: Свидерская].

О. М. Базанова и Л. И. Афтанас пишут, что «ряд экспериментальных исследований указывают на ассоциацию альфа-активности ЭЭГ с особенностями креативной деятельности» [см.: Базанова, Афтанас]. Авторы также приходят к похожим результатам: вы-

ясняется, что индивидуальные показатели некоторых параметров альфа-ритма ЭЭГ «могут рассматриваться в качестве индивидуально-типологических маркеров продуктивности, пластичности и нетривиальности невербального интеллекта» [Там же].

Можно заключить, что большинство существующих работ направлены на выявление коррелятов креативного мышления при регистрации фоновой активности мозга, а также во время непосредственного решения творческих задач. В то же время остается неясным, как функциональная асимметрия мозга, выявляемая при решении образных, вербальных и невербальных задач, может быть связана с креативностью.

В данной работе предпринята попытка исследовать взаимосвязь электрофизиологических маркеров функциональной асимметрии мозга и показателей невербальной креативности.

Гипотеза

Мы предполагаем, что лица, обладающие более высокой невербальной креативностью, продемонстрируют более низкий уровень активации правого полушария при решении задач соответствующего типа. При этом анализ ЭЭГ при решении вербальных задач не покажет значимых различий в активации полушарий между высоко- и низкокреативными субъектами.

Нами составлен план исследования, который был разбит на несколько этапов.

На первом из них проводится образная батарея теста Е. Торренса (в адаптации Е. Е. Туник), выявляющая невербальную креативность.

На втором этапе по результатам теста формируется две группы: высококреативные и низкокреативные (каждая по 15 человек). 15 человек в каждую группу выбираются в случайном порядке, причем учитываются следующие факторы: принадлежность испытуемого к высококреативным либо к низкокреативным, соблюдается баланс испытуемых по половому признаку (примерно 50/50 женщин и мужчин в каждой группе).

На третьем этапе производится регистрация ЭЭГ у испытуемых из каждой группы в 19 стандартных отведениях по междуна-

родной системе установки электродов 10–20. Анализ будет производиться по показателям мощности ритмов тета (4–8 Гц), альфа (8–13 Гц), альфа-1 (8–10,5 Гц), альфа-2 (10,5–13 Гц), бета-1 (13–20 Гц), бета-2 (20–30 Гц), а также показателям коэффициента асимметрии. В начале проводится запись фоновой ЭЭГ, а далее электроэнцефалограмма регистрируется во время решения испытуемым невербальных и вербальных задач. Стимульный материал, который будет использован в данном исследовании, разработан в лаборатории высшей нервной деятельности Института ВНД и нейрофизиологии в период с 2010 по 2012 годы. Основные авторы: Г. А. Иваницкий и А. О. Роик [см.: Роик, Иваницкий].

Первый тип задач представляет собой пазл, рисунок которого – это контуры геометрических фигур. Но одна из фигурных частей пазла отсутствует. Необходимо с помощью мысленных манипуляций выбрать из четырех предложенных ниже вариантов верный – тот, который по рисунку подходит к этому пазлу. Слайд предъявляется в течение 40 сек.

Второй тип заданий: дано по четыре картинки сверху и снизу. Каждая их трех картинок сверху связывается по смыслу с тремя картинками снизу. Надо решить, какая картинка из предложенных снизу – лишняя. Слайд предъявляется в течение 20 сек.

Третий тип заданий аналогичен второму, за исключением того, что в качестве стимулов используются слова. И необходимо выбрать лишнее. Слайд также предъявляется в течение 20 сек.

Испытуемый, решив задание, сообщает об этом, нажимая кнопку мыши, и затем называет номер правильного ответа.

Следующим этапом нашего эксперимента станет поиск достоверных различий в показателях мощности ЭЭГ в различных частотных диапазонах и коэффициентах асимметрии в группах с низкими и высокими показателями образной креативности.

Мы считаем, наше исследование поможет пролить свет на механизмы невербального творчества и в дальнейшем позволит более эффективно строить программы по развитию образной креативности, например, программы, которые будут основаны на биологической обратной связи.

Библиографические ссылки

Айдаркин Е. К., Кундупьян О. Л., Кундупьян Ю. Л. Нейрофизиологические корреляты решения вербальных и невербальных задач // Валеология. 2012. № 3. С. 106–118.

Базанова О. М., Афтанас Л. И. Индивидуальные показатели альфа-активности ЭЭГ и невербальная креативность // Рос. физиол. журн. им. И. М. Сеченова. 2007. Т. 93, № 1. С. 14–26.

Бехтерева Н. П. Магия творчества и психофизиология // Неврол. вестн. 2007. Т. 39, № 3. С. 5–12.

Денисова И. А. Психофизиологический взгляд на творчество. Мозговые корреляты музыкального творчества // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 5, № 4. С. 99–107.

Захарченко Д. В., Свидерская Н. Е. ЭЭГ-корреляты продуктивности выполнения невербальной творческой работы (рисования) // Журн. высш. нервн. деятельности. 2008. Т. 58, № 4. С. 432–442.

Разумникова О. М., Вольф Н. В., Тарасова Н. В. Стратегия и результат : половые различия в электроэнцефалографических коррелятах вербальной и образной креативности // Физиология человека. 2009. Т. 35, № 3. С. 31–41.

Разумникова О. М., Тарасова И. В., Вольф Н. В. Особенности активации коры у лиц с высокой и низкой вербальной креативностью: анализ альфа1, 2-ритмов // Журн. высш. нервн. деятельности. Т. 59, № 5. С. 581–586.

Роик А. О., Иваницкий Г. А. Нейрофизиологическая модель когнитивного пространства // Журн. высш. нервн. деятельности. 2011. Т. 61, № 6. С. 688–696.

Свидерская Н. Е. Особенности пространственной организации ЭЭГ и психофизиологических характеристик человека при дивергентном и конвергентном типах мышления // Физиология человека. 2011. Т. 37, № 1. С. 36–44.

Свидерская Н. Е., Дащинская Т. Н., Таратынова Г. В. Пространственная организация ЭЭГ при активации творческих процессов // Журн. высш. нервн. деятельности. 2001. Т. 51, № 3. С. 393–401.

Солсо Р. Когнитивная психология. 6-е изд. СПб., 2011. (Сер. Мастера психологии).

Razumnikova O. M. Gender differences in hemispheric organization during divergent thinking: An EEG investigation in human subjects // Neuroscience Letters. 2004. Nr 362. P. 193–195.

Fink A., Grabner R., Benedek M., Reishofer G., Hauswirth V., Fally M., Neubauer A. The creative brain: Investigation of brain activity during creative problem solving by means of EEG and FMRI // Human Brain Mapping. 2009. Nr 30. P. 734–748.

Martindale C., Hines D., Mitchell L., & Covello E. EEG alpha asymmetry and creativity // Personality and Individual Differences. 1984. Nr 5. P. 77–86.

Shemyakina N., Danko S. Changes in the power and coherence of the 2 EEG band in subjects performing creative tasks using emotionally significant and emotionally neutral words // Human Physiology. 2007. Nr 33. P. 20–26.

Dietrich A., Kanso R. A review of EEG, ERP, and neuroimaging studies of creativity and insight // Psychological Bulletin. 2010. Vol. 136. Nr 5. P. 822–848.

С. М. Яскунов, И. А. Табунов

Кафедра психологии и педагогики ЧГУ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМПАТИИ У СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ РАЗНЫХ КУРСОВ

В профессии психолога одним из важных компонентов является эмпатия. Специалист должен уметь определять состояние клиента по его мимическим и пантомимическим реакциям. Несомненно, что эмпатия связана с другими феноменами эмоционального характера. Это и эмоциональный интеллект, и социальная перцепция, и другие явления.

Понимание чувств и эмоций другого является одной из ключевых компетенций практикующего психолога. В процессе распознавания эмоций мы обращаем внимание на жесты, мимику, позу, интонацию собеседника. Безусловно, большой интерес представляет восприятие лицевой экспрессии, так как она, в отличии от жестов, менее подвержена влиянию культуры и контролю сознания. Пол Экман отмечает, что умение распознавать эмоции по выражению лица – навык, совершенствующийся в процессе тренировки.

Обучение на психолога, с нашей точки зрения, является тем самым фактором, который может развивать это умение. Например, такие курсы, как «Психотерапия», «Психологическое консультирование», обучают студентов понимать эмоциональное состояние клиента и присоединяться к нему.

Мы решили проверить, действительно ли способность понимать чужие эмоции меняется у студентов-психологов в ходе обучения.

В пилотажном исследовании приняли участие 10 студентов кафедры педагогики и психологии Череповецкого государственного университета, являющиеся членами Студенческой психологической службы. Мы наблюдали за ними в течение одного месяца и пришли к неоднозначному выводу. Уровень эмпатии у наших испытуемых различался неоднонаправленно. Можно говорить о том, что существует значимое различие в понимании эмоций между людьми на разных курсах.

Нам хочется проверить, насколько предположение о развитии эмпатии в ходе обучения на психолога верно. Поэтому в своем дальнейшем исследовании мы применим более точный способ оценки уровня эмпатии, а именно: тест на точность определения лицевой экспрессии, представленный в работах П. Экмана.

Таким образом, можно будет говорить о динамике эмпатии у студентов-психологов на разных курсах обучения.

Научное издание

ПСИХОЛОГИЯ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Материалы VIII Всероссийского молодежного психологического форума Российской ассоциации студентов-психологов
Екатеринбург, 1–5 апреля 2014 г.

Ответственная за выпуск *Д. Д. Шакирзянова*
Редактор *В. И. Попова*
Корректор *В. И. Попова*
Компьютерная верстка *Г. Б. Головиной*

Подписано в печать 18.08.14. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 3,8. Усл. печ. л. 3,95. Тираж 100 экз. Заказ 1571.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ.
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Тел.: + (343) 350-56-64, 350-90-13.
Факс +7 (343) 358-93-06.
E-mail: press-urfu@mail.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

